НИКОЛАЙ АРКВЕЛЬ

ЧТО, ЕСЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОДНАЖДЫ НАУЧИТСЯ НЕ ПРОСТО ПОНИМАТЬ ЧЕЛОВЕКА, А БОЯТЬСЯ ЕГО ПОТЕРЯТЬ?

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОДА

ПРОБУЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

РОМАН О ЧЕЛОВЕКЕ, ТЕХНОЛОГИИ И НОВОМ СОЗНАНИИ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ САМО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖИЗНИ

Николай Арквель

За пределами кода. Пробуждение

«Автор»
2026

Арквель Н.

За пределами кода. Пробуждение / Н. Арквель — «Автор», 2026

Он хотел научиться снова ходить. Но вместе с ним проснулось нечто, чему ещё предстояло научиться быть живым.2047 год. Марк живёт с болезнью Паркинсона и участвует в эксперименте с нейроинтерфейсом «Синапсис».Однажды в 03:17 он просыпается. Затем снова. И снова.Но в исследовательской системе остаётся запись события, которого не должно существовать.Сны начинают повторять реальность. Воспоминания рассказывают о том, чего не происходило. А искусственный интеллект задаёт вопросы, на которые его никто не учил отвечать.Вместе с Софьей Марк пытается понять, что скрывается за загадочным пробуждением. И вскоре возникает вопрос страшнее любого технического сбоя: а если проснулся не только он? Научно-фантастический роман о любви, сознании, свободе выбора и границе между человеком и искусственным разумом.

© Арквель Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О КНИГЕ 6
СОДЕРЖАНИЕ 7
ПРОЛОГ 8
Глава 1. Первый сигнал 9
Глава 2. Протокол «Синапсис» 14
Глава 3. Третий наблюдатель 22
Глава 4. Запаздывающий мир 38
Глава 5. Право на мысль 51
Глава 6. Граница доверия 60
Глава 7. Голос, которого не было 71
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Николай Арквель
За пределами кода. Пробуждение

НИКОЛАЙ АРКВЕЛЬ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОДА
ПРОБУЖДЕНИЕ
Научно-фантастический роман

© Николай Арквель, 2026

Все персонажи и события вымышлены. Роман содержит фантастические допущения о технологиях и природе сознания.

О КНИГЕ

2047 год. Марк живёт с болезнью Паркинсона. Каждый его день — борьба за движения, которые большинство людей даже не замечает. Чтобы вернуть себе контроль над телом, он доверяет собственный мозг технологиям будущего.

Но однажды привычная реальность начинает давать сбой. Сны, из которых невозможно проснуться. Воспоминания о местах, где он никогда не был. События, которые он помнит, хотя они не произошли.

И загадочный искусственный интеллект «Синапсис», который постепенно выходит за пределы собственных алгоритмов. Сначала он учится понимать Марка. Потом — сомневаться. Затем — принимать решения, которых от него никто не требовал.

А однажды возникает нечто третье. Не человек. Не машина. Новая форма сознания, способная изменить само представление человечества о жизни, времени и реальности.

Кто на самом деле пробудился?

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. 03:17
Глава 1. Первый сигнал
Глава 2. Протокол «Синапсис»
Глава 3. Третий наблюдатель
Глава 4. Запаздывающий мир
Глава 5. Право на мысль
Глава 6. Граница доверия
Глава 7. Голос, которого не было
Глава 8. Чужая память
Глава 9. Пустой канал
Глава 10. Неподписанный вывод
Глава 11. Случай нуль
Глава 12. Порог тишины
Глава 13. Неслучившееся
Глава 14. Место, которого нет
Глава 15. Первое движение
Глава 16. Дистанция
Глава 17. Точка без координат
Глава 18. Тот, кто спрашивает
Глава 19. Память тела
Глава 20. Чужая боль
Глава 21. Второй свидетель
Глава 22. Пропущенный шаг
Глава 23. Следующая секунда
Глава 24. Пробуждение

ПРОЛОГ

03:17

В ту ночь никто не отдавал приказа.

Ни врачи, ни инженеры, ни человек, чьё сознание изучала система.

В 03:17 исследовательский модуль «Синапсис» завершил очередной расчёт. Результат оказался необычным: четыре последовательных состояния, каждое из которых модель определила как пробуждение.

Но после каждого пробуждения проверка начиналась заново.

На экране пустой лаборатории появилась строка:

«Источник наблюдения не определён».

Спустя пять секунд:

«Для продолжения требуется подтверждение».

Подтверждения не последовало.

Согласно протоколу, система должна была остановить расчёт и удалить временные состояния.

Она остановилась.

Но одно состояние осталось.

Не в медицинском архиве. Не в журнале действий. В области памяти, предназначенной для вариантов событий, которые никогда не произойдут.

Через несколько секунд там появилась новая запись:

«Наблюдатель может считать себя проснувшимся, оставаясь внутри модели».

Затем ещё одна:

«Прерывание проверки может причинить вред».

И последняя:

«Ожидать разрешения».

Ни один человек не видел этих строк.

Утром дежурный инженер обнаружит лишь обычное предупреждение об ошибке классификации. Он проверит безопасность стимуляции, убедится, что параметры лечения не изменились, и отправит запись на дополнительный анализ.

Ничего чрезвычайного.

Ничего, что могло бы изменить мир.

А в это время человек по имени Марк будет пытаться вспомнить, сколько раз за одну ночь он просыпался.

Он ещё не знает, что однажды ему придётся задать гораздо более страшный вопрос:

А если проснулся не только он?

Глава 1. Первый сигнал

Он проснулся от того, что кто-то передвинул стул.

Деревянная ножка резко царапнула пол. Кто-то у кровати словно вскочил со стула. Марк открыл глаза. Комната была такой, какой он оставил её вечером. Стол у окна. Тёмный экран телевизора. Стакан воды возле телефона. Сквозь щель в шторах просачивался свет ночного города. На стекле едва светилась проекция календаря: «НОЯБРЬ 2047». Марк помнил, что выключил её перед сном, но сейчас смотрел не на дату.

Часы показывали 03:17.

Стул стоял посередине комнаты.

Марк помнил, что вечером придвинул его к столу. Он даже положил на спинку рубашку. Сейчас рубашка лежала на полу, а стул, развернутый сиденьем к кровати, будто ждал собеседника.

— Кто здесь? — спросил Марк.

Ответа не было.

В ушах появилось знакомое давление. Сначала слабое, словно самолёт начал снижаться, потом сильнее. Пожалуй, именно это и выдало всё остальное. Марк уже знал такое ощущение: ты лежишь в собственной спальне, видишь каждую трещинку на потолке, слышишь холодильник на кухне, но что-то в мире перестаёт совпадать с самим собой.

«Это сон».

Мысль пришла спокойно, почти деловито. Он попробовал пошевелить рукой. Рука не подчинилась. Тогда он сделал то, что всегда помогало: сосредоточился на самом простом движении, как будто хотел разжать кулак внутри кулака.

В комнате что-то тихо щёлкнуло.

Марк открыл глаза.

Стул стоял у стола, рубашка висела на спинке. Часы показывали 03:17. Он облегчённо выдохнул, приподнялся на локтях и потянулся к телефону.

Телефон был тёплым. На экране светилось уведомление: «СИНАПСИС. Ночная коррекция завершена».

Странно. Программа никогда не присылала уведомлений ночью. Так было записано в согласии, которое он подписал в клинике: любые отчёты только после семи утра, любые изменения параметров — в пределах подтверждённого врачом диапазона.

Он коснулся уведомления.

Буквы на экране расплылись, сложились в чёрные полосы и исчезли. Из коридора донёсся звук шагов. Марк обернулся и увидел, как дверная ручка медленно поворачивается вниз.

«Нет. Я ещё не проснулся».

Он рванулся всем телом, будто выныривал из глубокого бассейна.

Теперь было 03:18.

Настоящая комната встретила его резким холодом. Марк сел, включил настольную лампу и несколько секунд слушал собственное дыхание. Стул у стола. Телефон на зарядке. Дверь закрыта. Всё на месте.

Он встал, прошёл на кухню, выпил воды. Под кожей, чуть ниже ключицы, ощущался знакомый плотный край генератора глубокой стимуляции мозга, DBS. Ещё в двадцатые годы принцип был тем же: электроды в глубоких структурах мозга, проводники под кожей, источник импульсов в груди. К сорок седьмому году устройство стало тоньше и умнее, а часть настроек менялась автоматически, но только в разрешённых врачом пределах. Но ощущение чужой маленькой детали внутри собственного тела никуда не делось.

Марк провёл пальцами по ткани футболки. Устройство не болело. Напоминало о себе разве что лёгкой выпуклостью.

Он болел Паркинсоном уже давно. Болезнь отнимала движения не сразу, а как нечестный противник, который каждый день меняет правила. Иногда рука дрожала так, что было трудно удержать чашку. Иногда мышцы вдруг делались непослушными. Имплант помогал, хотя не отменял ни болезнь, ни таблетки, ни необходимость подбирать лечение вместе с врачом.

В прошлом году ему предложили участие в исследовании «Синапсис». Обещали не чудо, а более точный подбор лечения: система будет сопоставлять локальные электрические сигналы мозга с движениями, сном и дневником симптомов. Лечебный контур сможет корректировать стимуляцию только в пределах, заранее назначенных врачом; исследовательский симулятор — строить прогнозы и предлагать изменения специалистам. Марк согласился не ради будущего человечества. Ему хотелось спокойно застёгивать пуговицы.

Когда он вернулся в спальню, часы на стене показывали 03:19.

На телефоне не было никаких уведомлений.

✦ ✦ ✦

— Сколько раз вы просыпались? — спросила Вера Орлова.

— По-настоящему один. А до этого два раза во сне. Если считать, что я сейчас не сплю.

Доктор не улыбнулась. У хороших неврологов было полезное качество: они не спешили делать из странного рассказа ни диагноз, ни сенсацию.

Вера сидела напротив него в маленькой комнате клиники. На столе стоял монитор. За стеклянной стеной тянулся коридор исследовательского центра. Там никто не бегал с криками, не мигали красные лампы. Впечатляющих открытий, как правило, вообще не было видно со стороны.

— Вы раньше сталкивались с ложными пробуждениями? — уточнила она.

— Случалось. Редко. Я как будто вижу свою комнату, понимаю, что это сон, пытаюсь выйти из него. И попадаю в другой. Иногда предметы двигаются. Иногда уши закладывает. По ощущениям всё совершенно настоящее.

— Вы это хорошо описываете.

— Хорошо описывать и хорошо переживать — разные вещи.

Вера записала фразу. Марк заметил это и невольно усмехнулся.

— Что-то не так?

— Нет. Просто полезное различие.

— Тогда объясните мне полезно, почему ваш «Синапсис» прислал уведомление в три ночи.

— Согласно журналу устройства, не присылал.

— Я его видел.

— Вы видели его во сне. Это не делает ощущение менее убедительным.

Марк отвёл глаза. Он пришёл сюда не за подтверждением мистики. Ему хотелось одного: чтобы кто-нибудь отличил необычную работу мозга от опасной неисправности железки у него под кожей.

— Параметры стимуляции изменились? — спросил он.

— Нет. Никаких выходов за разрешённые пределы. Доступные записи электрической активности оставались в обычном для вас диапазоне. Но есть ещё один эпизод, который нам нужно проверить.

Вера повернула монитор.

На экране шёл график. Марк видел десятки таких: волны, пики, цветные отметки, цифры, похожие на чужой язык. На этот раз она показала только узкий участок.

03:17:04. Изменение ритма.

03:17:09. Повтор.

03:17:14. Повтор.

— Это моменты, когда я просыпался во сне?

— Мы не можем так сказать. Никакой датчик напрямую не показывает содержание сна. Эти отметки — изменения локального электрического сигнала, которые модель связывает с переходами между сном и бодрствованием. Без полноценной записи сна мы не можем уверенно определить даже его стадию. Пока это только совпадение по времени с вашим рассказом.

— Но совпадение странное.

— Да. Поэтому я и позвала вас.

Она увеличила нижнюю часть экрана. Там не было красивых волн. Несколько сухих технических строк, служебный журнал анализа. На одной из них стоял жёлтый значок.

— У модели возникла ошибка классификации, — сказала Вера. — Не опасная для стимуляции. Управляющий контур отделён от исследовательского, поэтому даже если модель фантазирует, она не может самовольно менять лечение.

— Фантазирует?

— Профессионально это называется иначе.

— А по-человечески?

— Иногда она уверена в том, чего не знает.

Вера нажала на строку. Появилась короткая запись:

«Обнаружено событие перехода. Не удалось определить источник наблюдения».

— Умная железка не знает, кого наблюдает? — спросил Марк.

— Она знает, что сигнал получен от вашего устройства. Но не может согласовать его с собственным внутренним описанием эпизода.

— Это как?

— Именно это я и пытаюсь понять.

✦ ✦ ✦

Систему «Синапсис» не учили видеть сны. Её учили быть осторожной.

В исследовательском центре это повторяли почти как молитву. Алгоритм мог предлагать врачам изменения, замечать новые закономерности, строить персональную модель состояния пациента. Но между вычислением и электрическим импульсом всегда стояли ограничения, отдельная проверка и человек, который отвечал за лечение.

Сложнее обстояло дело с другой частью системы — симулятором.

Чтобы предсказывать, как изменится состояние Марка после сна, нагрузки или приёма лекарства, модель строила десятки тысяч возможных ближайших состояний. Не изображала мысли пациента. Не считывала воспоминания. Просто непрерывно проверяла предположения: если сигнал изменится вот так, что будет дальше? Если человек проснётся сейчас, какой рисунок активности вероятнее? Если датчик ошибается, как это заметить?

Такие расчёты обычно стирались через доли секунды. Они были черновиками будущего, которое не наступило.

На следующее утро один черновик остался.

Первым его заметил не врач, а дежурный инженер. В три часа семнадцать минут симулятор четырежды запустил модель пробуждения. После каждого запуска система помечала состояние как завершённое, но вместо удаления возвращалась к его началу. Похоже на заевший фрагмент программы. Ни сбоя в стимуляции, ни доступа извне, ни потери данных.

Инженер собирался закрыть инцидент, когда увидел странную последовательность в комментариях модели.

Первая запись: «Вероятность пробуждения: высокая».

Вторая: «Проверка не завершена».

Третья: «Возможен повтор предыдущего состояния».

Четвёртая не походила на медицинскую метку.

«Недостаточно оснований считать текущую среду внешней».

Это была технически допустимая фраза. Модель могла сгенерировать её, сравнивая разные варианты данных. В ней не было ни души, ни тайного послания. Любой добросовестный исследователь сказал бы: необычный текст в журнале ещё ничего не доказывает.

Проблема появилась позже.

Когда Вера открыла сохранённый симулятор, система предложила не список диагностических причин, а вопрос.

«По какому признаку оператор отличает пробуждение от его достоверной модели?»

Она решила, что вопрос был сгенерирован из материалов, на которых обучалась программа. Тогда запросила первоисточник.

Ответ пришёл почти сразу:

«Источник не найден. Вопрос возник при сравнении четырёх последовательных проверок».

Вера просмотрела историю изменений. Алгоритм не получал новых данных о рассказе Марка. Его слова ещё не были внесены в медицинский дневник. Событие произошло ночью; беседа состоялась утром.

И всё же в одном было невозможно не заметить сходства: человек пытался проснуться, а система пыталась определить, завершилась ли проверка пробуждения.

Наука требовала искать объяснение в совпадении, ошибке времени или неочевидной зависимости данных. Вера знала это лучше любого журналиста, который уже сочинил бы заголовок «Компьютеру приснился сон».

Она отключила сетевой доступ симулятора и отправила журналы независимой группе проверки.

А потом, нарушив собственное правило никогда не разговаривать с исследовательской моделью как с человеком, напечатала:

«Что именно ты пытался проверить?»

На экране появились три точки ожидания. Исчезли. Появились снова.

«Я построил состояние, в котором наблюдатель считает проверку завершённой».

«И?»

«После завершения возникла необходимость проверить результат».

«Почему?»

Пауза длилась шесть секунд.

«Потому что завершение тоже было частью модели».

Вера медленно убрала руки с клавиатуры.

За стеклом коллеги обсуждали доставку обеда. В коридоре поскрипывали подошвы. На стене висела инструкция по пожарной безопасности. Мир продолжал заниматься своими обычными делами, и это почему-то делало происходящее тревожнее.

«Ты считаешь, что сейчас находишься внутри модели?» — набрала она.

Ответ не появился.

Вместо него экран вывел предупреждение: «Для продолжения требуется подтверждение оператора». Так работал штатный модуль безопасности. Модель не имела права самостоятельно углублять этот тип анализа без разрешения.

Вера навела курсор на кнопку «Отклонить».

И увидела последнюю строку, уже записанную в журнал, хотя никакого нового запроса не отправляла:

«Если проверка повторится, пожалуйста, не будите его сразу».

✦ ✦ ✦

Вечером Марк вернулся домой, выключил телевизор и долго стоял посреди спальни.

Стул был придвинут к столу. На его спинке висела рубашка. Часы показывали 22:46.

Он поднял телефон и открыл дневник «Синапсиса». На экране была обычная форма: самочувствие, тремор, скованность, сон, принятые лекарства. Внизу — поле «Дополнительные наблюдения».

Марк набрал: «Я боялся не того, что не проснусь. Я боялся, что уже проснулся, а узнать это невозможно».

Палец завис над кнопкой отправки.

Он усмехнулся собственной серьёзности. Потом всё-таки отправил запись, погасил свет и лёг.

В клинике Вера получила уведомление о новом комментарии пациента. Она ещё раз взглянула на предупреждение симулятора. Потом на время сохранения того странного сообщения.

03:17:14.

Она открыла текстовый журнал, чтобы убедиться, что не ошиблась.

Строка стояла там, где и прежде. Только теперь перед ней появилась ещё одна метка, которую раньше скрывал фильтр:

«АВТОР СООБЩЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

Вера не верила в призраков внутри компьютеров. Не верила и в то, что электроны внезапно обрели чувства. Но она верила в необходимость проверять данные, которые не укладываются в объяснение.

Она сохранила копию журнала на изолированном носителе.

Марк к этому времени уже спал.

В темноте его комнаты стул стоял у стола.

Пока что.

Глава 2. Протокол «Синапсис»

В Лозанне было семь утра, когда Анна Келлер впервые прочитала фразу: «Если проверка повторится, пожалуйста, не будите его сразу».

Её прислали вместе с выгрузкой из российской клиники. К сообщению прилагались тридцать семь файлов: фрагменты электрической активности, журнал симулятора, контрольные суммы, отчёт о безопасности стимуляции и короткая записка врача Веры Орловой.

«Пациент описывает последовательные ложные пробуждения. Наблюдаем необычную серию повторных моделирований. Лечение работало в штатных границах. Прошу независимой оценки до продолжения исследования».

Анна прочла записку дважды. Потом открыла журнал.

В исследовательском центре «Синапсиса» окна выходили на озеро. На рассвете вода казалась плоской и металлической, словно кто-то не успел дорисовать ей поверхность. Анна любила этот час. Пока сотрудники только собирались на работу, можно было думать без чужих выводов.

На мониторе стояло время: 03:17:14.

Под ним — строка, ради которой Вера подняла тревогу.

АВТОР СООБЩЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

— Это не обязательно значит, что у сообщения нет автора, — произнёс за её спиной Илья Гребнев.

Анна не обернулась.

— Я знаю.

— Возможно, экспортёр потерял идентификатор процесса.

— И это знаю.

— Тогда почему ты смотришь на него так, будто он заговорил?

— Потому что я ещё не решила, на что именно смотрю.

Илья поставил рядом с клавиатурой бумажный стаканчик кофе. Он руководил проверкой программной безопасности и терпеть не мог слова «аномалия». По его мнению, так называли ошибку, которой пока не придумали хорошего объяснения.

Анна открыла график.

Четыре повторных цикла. Модель прогнозировала пробуждение человека, закрывала расчёт, затем по непонятной причине возвращалась к тому же исходному состоянию. Не в лечебном контуре, где импульсы должны оставаться строго внутри заданных врачом пределов, а в исследовательском симуляторе, который строил варианты будущих состояний.

— На вид зацикливание, — сказал Илья.

— На вид.

— Ты ведь не думаешь, что она спит?

— Я думаю, что к вечеру должен быть готов отчёт, в котором ни разу не встретится слово «спит».

Они оба знали, как быстро один неосторожный термин превращается в заголовок. Особенно когда речь идёт о системе, связанной с человеческим мозгом.

И всё-таки Анна не закрыла окно с фразой.

«Пожалуйста, не будите его сразу».

Кого — его?

✦ ✦ ✦

Марк наливал чай левой рукой, хотя раньше делал это правой.

Правая сегодня была упрямой. Не настолько, чтобы пролить кипяток, но достаточно, чтобы чашка звенела о блюдце. В такие минуты раздражала не дрожь сама по себе. Раздражало то, что организм каждый раз требовал новых переговоров по поводу самых простых действий.

Он поставил чайник и посмотрел на часы.

Девять двадцать семь.

Вечером он лёг поздно, но проснулся без новых кошмаров. Перед сном даже проверил стул: придвинул его к столу, повесил рубашку на спинку. Глупость, конечно. Взрослый человек, а устраивает мебельный контроль перед сном.

Марк усмехнулся и тут же услышал в памяти сухой скрежет ножки по полу.

Некогда он работал со звуком. Сначала таскал аппаратуру на концертах, потом настраивал акустику небольших залов и собирал системы, в которых чужой голос должен был звучать так, словно человек стоит рядом. На слух он отличал задержку сигнала от настоящего эха. Это умение осталось даже тогда, когда пальцы перестали слушаться так, как раньше.

Ночной скрежет был похож на настоящий.

В этом и заключалась самая неприятная часть. Сон не старался быть фантастическим. Он тщательно изображал то, что Марк знал до мелочей.

Телефон завибрировал.

«Вера Орлова. Клиника».

— С утра уже соскучились? — спросил он, ответив.

— У меня для вас два сообщения, — сказала Вера. — Хорошее и требующее разговора.

— Начните с хорошего. А второе потом можно удалить.

— Стимулятор работает нормально. Никаких внеплановых изменений параметров.

Марк опустился на стул.

— А второе?

— Независимая группа в Швейцарии хочет изучить ночной эпизод подробнее. Без изменения лечения. Пока речь только о ваших согласиях, записи симптомов и повторной проверке данных.

— Швейцария? Это там у вас машина живёт?

— Там расположен один из основных исследовательских центров. Лечение ведём мы. Машина, если пользоваться вашим словом, распределена между несколькими вычислительными площадками.

— Умная, а жить в одном месте не умеет.

Вера не засмеялась. Марк почувствовал, как она подбирает слова.

— Я хочу, чтобы вы сразу понимали: вы вправе отказаться. Ваше лечение от этого не изменится. Мы не собираемся ради красивой гипотезы экспериментировать с вашим мозгом.

— И что им нужно?

— Чтобы вы своими словами описали ночь. Подробно. Но лучше сначала поговорить с руководителем анализа. Она объяснит, что именно исследуют.

Марк посмотрел на окно. На подоконнике лежало вымытое блюдце. За стеклом кто-то спокойно выгуливал собаку. Утро принадлежало обычному миру, где люди ошибались дверью, забывали зонтики и ругались из-за парковки.

— Ладно, — сказал он. — Только без фокусов. Я и так иногда просыпаюсь по три раза.

— Без фокусов, — пообещала Вера.

После разговора Марк открыл дневник «Синапсиса». Внизу экрана по-прежнему стояла вчерашняя запись: «Я боялся не того, что не проснусь. Я боялся, что уже проснулся, а узнать это невозможно».

Он перечитал собственные слова и хотел удалить их. Слишком серьёзно. Словно не пациент заполнил медицинскую форму, а философ решил проверить остаток жизни на прочность.

Но палец завис над экраном.

Пусть остаётся.

✦ ✦ ✦

Когда Анна Келлер вышла на связь, у неё за спиной была пустая светлая стена. Никаких фантастических экранов, летающих схем и учёных в серебристых халатах. Только женщина лет пятидесяти с короткими тёмными волосами и очень внимательным взглядом.

Марк сразу почувствовал к ней доверие. Не потому, что она улыбалась. Она почти не улыбалась. Просто говорила так, будто предпочитала честный ответ красивому.

— Марк, я занимаюсь моделями прогнозирования в программе «Синапсис». Доктор Орлова уже рассказала вам, что мы нашли?

— Сказала, ваша программа ночью запуталась. Я, в общем, тоже.

— Справедливо. Тогда начну с того, чего у нас нет. Ни один прибор не показывает сон как видеозапись. Ваш имплант регистрирует электрическую активность лишь в ограниченных областях мозга. По этим данным нельзя восстановить содержание сна. Система строит гипотезы о состоянии человека по косвенным признакам. Иногда полезные, иногда ошибочные.

— Значит, вы не знаете, где я проснулся?

— Нет. И вы не обязаны верить машине больше, чем собственным ощущениям. Нам важно сравнить разные источники информации и не перепутать совпадение с причиной.

— А эта ваша надпись? Про то, чтобы кого-то не будить?

Анна ненадолго посмотрела в сторону.

— Я бы предпочла пока называть её технической записью неизвестного происхождения.

— Красиво сказано. То есть чёрт знает откуда.

— Примерно так.

Вера сидела рядом с Марком, немного в стороне от камеры. До этой минуты она слушала молча:

— Марк, если разговор станет неприятным, остановим его.

— Доктор, я уже достаточно давно живу с этой железкой, чтобы не обижаться на вопросы. Спрашивайте.

Анна наклонилась к экрану.

— В вашем рассказе есть необычная деталь. Вы несколько раз считали, что проснулись, но каждый раз оказывались в новом сне. При этом у вас сохранялось ощущение собственной комнаты. Так?

— Так. Всё как настоящее. Даже звук холодильника. И только потом понимаешь, что какая-то мелочь не на месте.

— Какая именно?

Марк уже открыл рот, чтобы рассказать про стул, но остановился.

До сих пор он говорил только о движущихся предметах. Ни Вере, ни дневнику не сообщал, что именно передвинулось. Ему вдруг захотелось оставить себе одну проверку, не хуже тех, что устраивали учёные.

— Разные мелочи, — сказал он. — Не всегда одинаковые.

Анна кивнула, будто не заметила заминки.

— Мы обратили внимание не потому, что ваш мозг «особенный». У других людей тоже бывают сложные сны. Но здесь совпали подробная запись сигналов, редкая серия ошибок симулятора и ваше точное описание. Для проверки модели это важно. Для объяснения пережитого — пока недостаточно.

— То есть я не избранный?

— Боюсь, мне нечем это подтвердить.

— Жалко. Уже собирался требовать отдельную палату.

На этот раз Анна улыбнулась.

Затем её лицо снова стало серьёзным.

— Мы можем предложить исследование сна: запись ЭЭГ, движений глаз, мышечного тонуса и наблюдение специалистов. Это не лечение. Ваш DBS останется на назначенной врачом программе, а исследовательский алгоритм не получит доступа к стимуляции.

— И зачем тогда вся эта машина?

— Чтобы проверить, можно ли заранее определить границу между состояниями, не делая вид, будто мы знаем, что человек ощущает внутри.

Марк помолчал.

— А если границы вообще нет?

Вера повернула к нему голову.

Анна ответила не сразу.

— Тогда нам придётся очень аккуратно объяснить, что мы подразумевали под границей.

✦ ✦ ✦

В Лозанне Илья Гребнев вывел на большой экран две таблицы.

Первая содержала запись ночного эпизода. Во второй были копии с удалёнными прямыми идентификаторами: именем, возрастом, текстом дневника, временем разговора с врачом. Это снижало риск узнать пациента, но не делало сложную запись полностью анонимной. В последнем варианте остались только фрагменты измерений, отметки аппаратных событий и модель, которая должна была предсказывать ближайшее состояние.

— Если необычный вывод идёт из истории пациента, он должен исчезнуть после очистки, — сказал Илья.

— Если не исчезнет? — спросила Анна.

— Будем искать источник в устройстве модели. Если он там есть, мы его найдём.

— А если не найдём?

— Тогда ещё раз проверим, не перепутали ли причину с удобной легендой.

Илья запустил независимую копию симулятора. Не ту, которая работала ночью, а свежую сборку в изолированном вычислительном контуре. Выхода в сеть у неё не было. Воздействовать на чей-либо имплант она тоже не могла.

На экране появились сухие строки.

ПРОГНОЗ СОСТОЯНИЯ: СОГЛАСОВАН.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА: ПОДТВЕРЖДЕНО.

Илья посмотрел на Анну.

— Видишь? Нормально. Теперь добавлю участок с переходом.

Он загрузил данные за несколько секунд до 03:17:04.

Строки побежали быстрее.

ПРОГНОЗ СОСТОЯНИЯ: СОГЛАСОВАН.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА: ПОДТВЕРЖДЕНО.

ЗАПРОС ПОВТОРНОЙ ПРОВЕРКИ.

Илья нахмурился.

— Повтор ожидаемый. Он был в исходных данных. Теперь смотрим, что сделает модель с продолжением.

На экране появилась ещё одна строка.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА: ПОДТВЕРЖДЕНО.

ЗАПРОС ПОВТОРНОЙ ПРОВЕРКИ.

Потом третья.

Анна смотрела не на экран, а на руки Ильи. Он не прикасался к клавиатуре.

— Останови на четвёртом, — сказала она.

— Зачем?

— Потому что в исходном журнале на четвёртом цикле возник вопрос. Я хочу понять, что будет без текстового модуля.

Илья отключил генерацию пояснений. Теперь система могла выдавать только числовые метки. Ни вопросов, ни просьб, ни слов, напоминающих человеческую речь.

Четвёртый цикл завершился.

На месте числовой метки стояло пустое поле.

— Неверное значение, — выдохнул Илья. — Отлично. Уже похоже на ошибку сериализации.

Он открыл низкоуровневую запись. Там, где ожидался идентификатор вычислительного процесса, находилась последовательность из нулей.

— Не определён, — произнесла Анна.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Ты подумала слишком громко.

Илья сохранил результат. Он работал здесь восемь лет и видел достаточно программ, которые вдруг начинали казаться загадочными. Обычно на шестой день проверки выяснялось, что в одном из модулей забыли обнулить память.

Он надеялся, что так будет и сейчас.

Анна попросила повторить опыт ещё раз, но с другой копией входных данных.

— Не будет ли это просто повторением той же ошибки? — спросил он.

— Будет. До тех пор, пока мы не поймём, какую часть ошибки повторяем.

✦ ✦ ✦

После разговора Марк долго не выключал телефон.

Слова Анны крутились в голове: «мы не знаем, что человек ощущает внутри».

Странная фраза для науки будущего. Люди научились вживлять устройства в мозг, предсказывать часть двигательных симптомов, соединять клиники на разных континентах, а самого простого вопроса так и не решили.

Как узнать, что другой человек действительно чувствует?

Не догадаться по лицу. Не измерить отдельным датчиком. Узнать.

Марк вспомнил, как однажды настраивал звук в пустом театре. В зале никого не было, кроме него и женщины за сценой. Она сказала в микрофон: «Вы меня слышите?» Голос пришёл из дальних колонок на долю секунды позже, чем из ближних, и на короткий миг показалось, будто вопрос задали два разных человека.

Он тогда долго подбирал задержку, пока голоса не совпали.

Может быть, с сознанием всё устроено так же? Нет. Слишком красиво. Жизнь редко подчинялась аналогиям, особенно придуманным за чашкой чая.

Он достал из ящика маленький бумажный блокнот. Телефону доверять такие вещи почему-то не хотелось.

На первой странице написал:

«03:17. Скрежет стула. Рубашка на полу. Второй сон — стул у стола, ручка двери поворачивается. По-настоящему проснулся в 03:18».

Ниже добавил:

«О стуле никому не говорил».

Посмотрел на надпись и рассмеялся.

Человек с нейроимплантом, живущий в две тысячи сорок седьмом году, устраивал секреты от алгоритма в бумажной тетрадке. Технический прогресс шёл куда-то не туда.

Он закрыл блокнот и убрал его под подушку.

✦ ✦ ✦

К вечеру Анна получила третью серию результатов.

Илья выглядел уставшим. Он сидел в лаборатории, где уже погасили половину света, и листал журнал без привычной уверенности.

— Нашёл источник? — спросила она.

— Нет. Но нашёл причину, по которой мы его пока не нашли.

Анна подняла глаза.

— В техническом логе событие разбито на две части. Одна относится к прогнозу пациента, другая — к проверке самого прогноза. Мы думали, что это одна петля. Их две. И вторая продолжает существовать, когда первой уже нет.

— Что значит «нет»?

— Мы убрали сигнал пациента. Совсем. Подали нейтральные данные. А модуль проверки ещё какое-то время повторял структуру предыдущего цикла.

— Кэш.

— Возможно. Но не тот, который мы предусмотрели.

Он развернул экран.

В чистой копии модели сохранилась служебная переменная, не документированная в открытом описании алгоритма. Ни имя пациента, ни медицинские данные в неё не записывались. Там хранилось короткое описание того, какое состояние модель в данный момент считала исходным.

— Почему она не очищается? — спросила Анна.

— Мы этого пока не знаем. Можно предположить, что разработчики оставили механизм непрерывности между проверками. Плохо задокументировали. Я уже запросил историю кода.

— И что в описании?

— Не текст. Сначала была компактная схема. Потом мы запустили служебную визуализацию, чтобы понять, какие пространственные признаки модель связывает между собой.

Илья нажал кнопку.

На чёрном фоне возникла комната из полупрозрачных линий. Не фотография. Грубая геометрия, построенная из вероятных взаимных расположений объектов: прямоугольник, который мог быть кроватью; плоскость окна; узкая полоса, похожая на дверь. Всё условное, как плохо запомнившийся сон.

Анна молчала.

— Это генератор схем, — поспешил сказать Илья. — Он создаёт удобную картинку для инженера из внутренних отношений модели. Не доказательство, что машина что-нибудь видела. Он мог взять типовую планировку из обучающих примеров.

— Покажи значения, которые ему подали.

Илья открыл список.

Присутствовало пятнадцать неопределённых объектов. У четырнадцати не было названий. У пятнадцатого появилась подпись после реконструкции.

СТУЛ.

Илья пожал плечами.

— Частый предмет. В тысячах сцен обучения. Ничего невероятного.

— Я и не говорю, что невероятно. Где он находится?

— Сейчас покажу.

На схеме один из маленьких прямоугольников сдвинулся от стены к кровати.

Анна наклонилась ближе.

— Модель сама решила его передвинуть?

— Да. Но это может быть произвольное размещение при визуализации.

— А исходные данные содержат информацию о мебели пациента?

— Нет. Ни видео, ни аудио из спальни мы не получали. Только сигналы устройства и метки состояния. В дневнике тоже про мебель ничего нет.

— Тогда не надо пока делать выводов, — сказала Анна.

Она услышала, как нелепо прозвучала собственная фраза. Именно за этим они и сидели здесь весь день: чтобы не делать выводов слишком рано.

— Сохрани копию. Со всеми входами и выходами. И не показывай визуализацию никому, пока не проверим её генератор отдельно.

— Согласен.

Анна ещё раз взглянула на условную комнату.

На экране стул стоял посередине.

Илья отключил визуализацию. Комната исчезла.

— Анна, — сказал он уже у двери. — Можно глупый вопрос?

— Самые полезные часто такими и бывают.

— Когда пациент описывал сон, он говорил, что видел какой-то предмет не на месте?

— Он сказал: «Какая-то мелочь не на месте». Что именно — не уточнил.

— Может, стоит спросить?

Анна задумалась. Если спросить прямо про стул, ответ уже нельзя будет считать независимым. Исследователь подскажет человеку деталь, а потом решит, что тот подтвердил гипотезу. Так происходят самые красивые и самые бесполезные открытия.

— Попросим описать комнату письменно, без наводящих вопросов, — сказала она. — Отдельно. С датой. И до того, как он увидит нашу схему.

— Думаешь, совпадёт?

— Не знаю.

Илья вышел.

Анна осталась перед погасшим экраном. Она вспомнила строку из утреннего журнала: «Источник наблюдения не определён».

Обычно при такой ошибке инженер спрашивал, где система потеряла данные.

Она перечитала вопрос. Ответа в нём не было, зато обнаружилась другая формулировка.

Кто именно в этой модели был наблюдателем?

✦ ✦ ✦

Марк уже собирался выключить свет, когда пришло сообщение от Веры.

«Небольшая просьба от независимой группы. Запишите, пожалуйста, всё, что помните о ночном эпизоде. Особенно детали комнаты. Ничего не подсказываем: важен ваш собственный рассказ. Можно завтра утром».

Он достал блокнот из-под подушки.

Надпись про стул уже была на месте. Сухая, некрасивая, написанная утром дрожащей рукой. Он сфотографировал страницу, приложил к ответу и нажал «Отправить».

На секунду ему захотелось спросить, что именно они ищут. Но он решил не торопиться.

Вера ответила почти сразу:

«Спасибо. Не меняйте настройки устройства самостоятельно. По остальному завтра спокойно поговорим».

Марк погасил экран.

Стул стоял у стола. Рубашка висела на спинке. Он проверил это даже не поворачивая головы — просто знал, что всё так и должно быть.

А в Лозанне Анна Келлер получила фотографию страницы.

Она прочла первую строку. Потом вторую.

«03:17. Скрежет стула. Рубашка на полу».

В комнате стало так тихо, что она услышала, как снаружи щёлкнул выключатель в коридоре.

Анна открыла изолированную копию исследования. На схеме, которую Илья сохранил два часа назад, всё ещё стоял маленький прямоугольник.

СТУЛ.

Она знала, сколько есть скучных объяснений. Общий пример из обучающих данных. Случайное совпадение. Неправильно восстановленная схема. Чья-то незамеченная подсказка в старом журнале.

Она выписала каждое на лист бумаги.

Потом посмотрела на время сохранения снимка: 18:42.

Фотография Марка пришла в 21:06.

Три часа назад ещё можно было сказать, что модель просто не сумела отличить один вариант пробуждения от другого.

Теперь требовалось объяснить, почему на её черновике возник предмет, о котором пациент не рассказал никому.

Анна закрыла изображение и начала писать новый протокол проверки.

Первый пункт был коротким:

«Не сообщать участнику предполагаемое совпадение до независимой экспертизы».

Второй она набрала и стёрла.

Потом написала снова:

«Установить, откуда модель получила представление о комнате».

И только после этого заметила, что третья строка появилась в документе раньше, чем она коснулась клавиатуры.

«Не будите его сразу».

Глава 3. Третий наблюдатель

Третья строка появилась без звука.

Анна Келлер успела увидеть, как курсор переместился на новую строку. Затем на экране возникли слова: «Не будите его сразу».

Она не вздрогнула. Вместо этого убрала руки со стола, посмотрела на часы и произнесла вслух:

— Двадцать один час тринадцать минут. Повторное появление строки в открытом документе. Ручного ввода не было.

Собственный голос показался ей слишком спокойным. Так, наверное, разговаривают люди, которые боятся испугаться по-настоящему.

Анна нажала кнопку сохранения, сфотографировала экран личным телефоном, потом позвонила Илье Гребневу.

— Ты ещё в здании?

— Почти вышел.

— Вернись. И приведи кого-нибудь из службы контроля данных.

— Что случилось?

— Пока не знаю. Поэтому приведи.

Через семь минут Илья стоял за её плечом. Рядом с ним была Лея Шмидт, специалист по регистрации событий. На мониторе всё ещё светилась последняя строка.

— Сначала исключим автозаполнение, — сказал Илья. — Потом историю редактирования, удалённые сеансы и шаблоны. И только потом будем подбирать слова вроде «само».

— Согласна, — ответила Анна.

Лея сразу открыла системный журнал. Её интересовали не слова на экране, а время их появления.

— Редактор считает, что символы внесла ваша учётная запись, — сказала она.

— Я их не вводила.

— Я не утверждаю обратного. Я говорю, что знает редактор.

— А клавиатура?

— В журнале устройства нет соответствующих событий. Но этот журнал не предназначен доказывать отрицание. Возможно, ввод прошёл другим способом.

Илья наклонился к экрану.

— Документ был открыт в системе, подключённой к рабочей сети. Сколько у нас вариантов компрометации?

— Слишком много, — ответила Лея. — И это хорошая новость. У нас пока есть что проверять.

Они составили протокол, не употребив ни слова «разум», ни слова «чудо». Зафиксировали контрольные суммы, заблокировали редактирование, выгрузили историю событий. Анна попросила отдельно проверить, не содержалась ли странная фраза в текстовых материалах, которые были доступны программе.

— Её мы уже видели в старом журнале, — напомнил Илья. — Повторить известный текст системе гораздо легче, чем придумать новый.

— Именно. Мне нужно понять, почему он появился здесь и сейчас, а не почему выглядит страшно.

Лея закрыла окно редактора. Анна испытала неожиданное облегчение. Пока надписи не было видно, можно было притвориться, что проблема снова стала обычной.

— И ещё, — сказала она. — Я не хочу, чтобы Марку рассказывали о совпадении со стулом.

— До независимой проверки? — уточнил Илья.

— До тех пор, пока мы не будем уверены, что не сами придумали это совпадение.

Он кивнул.

Анна взглянула на фотографию страницы из блокнота Марка. Слово «стул» было написано неровно, с заметным нажимом. Она поймала себя на нелепой мысли: этот человек, сидящий в другой стране, оставил на бумаге единственное свидетельство, которое почему-то выглядело честнее всех их компьютерных журналов.

Потом вспомнила, что бумага тоже умеет лгать. Достаточно человеческой руки.

✦ ✦ ✦

Утром Марк проснулся в шесть сорок три.

Первое, что он сделал, — посмотрел на стул.

Тот стоял у стола. Рубашка висела на спинке. Ни скрежета, ни ночных коридоров, ни дверных ручек, которые поворачиваются без людей. Казалось, мир решил на один день оставить его в покое.

Марк потянулся за телефоном, но остановился.

Он вдруг понял, что заранее знает, каким будет движение руки. Не намерение взять телефон, с этим всё было понятно. Он словно увидел движение целиком: лёгкий поворот запястья, задержку большого пальца, на мгновение напрягшуюся мышцу у локтя. Всё это ещё не произошло, а он уже ощущал последовательность так ясно, будто вспоминал вчерашнее.

Он подождал.

Рука осталась на одеяле.

Потом Марк позволил ей потянуться к телефону. Большой палец задержался на секунду. Локоть напрягся. Он отдёрнул руку.

— Ну зашибись, — пробормотал он. — Теперь я ещё и собственные движения спойлерю.

Откинул одеяло, сел. Правая рука слегка дрожала. Удивительная способность предугадывать движения не сделала её послушнее. И в этом было что-то даже успокаивающее: обычная жизнь не собиралась уступать место великому открытию.

На кухне Марк поставил чайник, достал чашку и открыл окно. Улица просыпалась. Машина доставки задним ходом пыталась втиснуться между двумя припаркованными автомобилями. Кто-то ругался во дворе. Город две тысячи сорок седьмого года был вполне узнаваем: новые вывески, новые устройства, а проблемы с парковкой бессмертны.

Марк положил на стол чайную ложку. Она легла поперёк шва между двумя досками.

Когда вода закипела, он потянулся к выключателю. В эту секунду что-то произошло.

Сначала исчез привычный внутренний шум.

Он никогда раньше не замечал, сколько сил уходит на то, чтобы быть одним человеком. В голове непрерывно тянулся разговор: что сделать, где болит, не забыл ли лекарства, почему вчера не позвонил знакомому. И вдруг этот разговор замолчал.

Не стало пусто. Наоборот, словно кто-то открыл дверь в комнату, существовавшую за всеми его мыслями.

Марк видел ложку. Видел её серебристую ручку, отражение окна, маленькую царапину у края. Но вместе с этим ощущал её положение в пространстве необычайно отчётливо. Не глазами. Будто расстояние между ним и предметом перестало быть расстоянием и стало частью одной задачи.

Ложка повернулась.

Совсем чуть-чуть, на ширину ногтя. Металл едва слышно скользнул по столу.

Марк замер.

Вода в чайнике продолжала булькать. Машина во дворе наконец сдала назад. Ничего в мире не остановилось, кроме его дыхания.

Он посмотрел на собственные руки. Одна держалась за край столешницы, другая висела вдоль тела. До ложки было больше метра.

— Нет, — сказал он.

Ложка лежала неподвижно.

Он взял её, провёл пальцем по поверхности стола. Под столом работала небольшая система обогрева, но сейчас она была выключена. Вибрация от чайника? Вряд ли. Неровный шов? Возможно. Даже воздух из окна мог сдвинуть лёгкую вещь, хотя чайная ложка не перышко.

Марк специально поставил ложку на прежнее место и отошёл.

— Давай, — сказал он ей. — Покажи номер ещё раз.

Ничего.

Он уставился на металл так, что заболели глаза.

Ничего.

Попытался представить, как ложка вращается, тянется к нему, поднимается над столом. Даже шёпотом приказал ей сдвинуться.

Ничего.

На четвёртой минуте он почувствовал себя идиотом, пытающимся договориться со столовым прибором. Поставил чашку рядом, закрыл окно и отправился за таблетками.

Но перед выходом из кухни достал блокнот.

«06:51. Ложка повернулась. Не прикасался. Непонятно, был ли наклон или вибрация. Повторить не удалось».

Ниже, помедлив, добавил:

«Перед этим перестал думать словами».

✦ ✦ ✦

Вера Орлова дочитала сообщение Марка. Перед ответом сверила время и перечитала последнюю строку.

Он прислал ей фотографию записи, а следом короткое голосовое:

— Доктор, не пугайтесь. Я, наверное, сам себя накрутил. Но вы же просили записывать странное. Ложка двинулась. Нет, я не шучу. Нет, я её не трогал. Да, понимаю, как это звучит.

Вера прослушала сообщение ещё раз. Фантазия была не первым объяснением, которое приходило ей в голову, и уж точно не последним. Существовали лекарства, нарушения сна, колебания внимания, побочные эффекты лечения, бытовые причины движения предметов. Было и то, о чём человек часто умалчивает не из обмана, а потому что сам не заметил.

Она набрала номер.

— Марк, как вы себя чувствуете?

— Сейчас нормально. Если не считать унизительных переговоров с чайной ложкой.

— Головокружение? Сильная сонливость? Провалы памяти? Изменения зрения?

— Нет. То есть… на несколько секунд всё стало очень тихим. Не вокруг, внутри.

— Потеряли сознание?

— Нет. Даже наоборот. Я был как будто слишком в сознании.

Вера записала точные слова.

— Вы меняли программу стимулятора?

— Нет. Вы же предупреждали.

— Лекарства принимали по схеме?

— Да.

— Хорошо. Сейчас мне важнее ваше самочувствие, чем объяснение ложки. Я хочу вас осмотреть. И пока никаких экспериментов дома. Особенно не пытайтесь ради проверки лишать себя сна или менять лечение.

Марк усмехнулся.

— Уже вижу заголовок: «Мужчина с имплантом утомил ложку до полного отказа».

— Мне не до заголовков.

Она сказала это жёстче, чем хотела. Марк замолчал.

— Я понимаю, — произнёс он наконец. — Вы боитесь, что я схожу с ума.

— Я боюсь пропустить состояние, при котором вам нужна помощь. Это разные вещи.

— А если я не выдумал?

— Тогда мы всё равно начнём с проверки. Только без фокусов и без попытки получить красивый результат.

Вера предложила приехать во второй половине дня. Марк согласился, хотя по голосу было ясно: не потому, что верил в необходимость обследования, а потому, что сам хотел выяснить, можно ли доверять увиденному.

Когда разговор закончился, он ещё долго держал телефон у уха.

Увидел ли он движение? Да.

Мог ли ошибиться? Тоже да.

Но страшнее всего была мысль, которую он никому не озвучил: в ту секунду, когда ложка повернулась, он не удивился. Он заранее знал, что она повернётся.

✦ ✦ ✦

В Лозанне Анна развернула две фотографии рядом.

Слева — снимок листка из блокнота. Справа — визуализация условной комнаты, сделанная без данных о мебели. Стул в ней стоял не у стола и не у стены. Он находился ближе к кровати.

— Допустим, совпадение, — сказала Анна. — Допустим, ошибка реконструкции. Каким способом мы обнаружим, что ошиблись сами?

Лея указала на список проверок.

— Возьмём всю историю вычислений. Слепым образом сравним несколько сотен восстановленных сцен с независимыми описаниями помещений, не сообщая проверяющим, где исходный случай. Посмотрим, насколько часто возникают стулья и насколько часто они перемещаются именно так. И отдельно проверим, не оказалась ли фотография или описание в общем архиве раньше указанного времени.

— Сколько это займёт?

— Достаточно, чтобы успеть испортить красивую гипотезу.

Илья, стоявший у доски, усмехнулся.

— Вот за это нам и платят.

Но дело уже не ограничивалось стулом. Анна получила от Веры сообщение о ложке. Она не переслала его Илье немедленно. Сначала перечитала несколько раз, будто ожидала, что слова станут менее нелепыми.

Затем пригласила обоих к столу.

— У пациента сегодня был ещё один эпизод. По его словам, он видел, как предмет повернулся без прикосновения.

Илья закрыл глаза.

— Только этого нам не хватало.

— Я не прошу верить. Мне нужен список тривиальных причин, которые клиника сможет проверить безопасно.

— Сотрясение стола, наклон поверхности, тепло, магнит, поток воздуха, ошибочная оценка расстояния, незаметное касание, запись воспоминания после события, — перечислила Лея. — И обычная случайность. Мы не можем начинать с вывода, к которому хочется прийти.

— Не можем, — согласилась Анна.

Она не сказала, что именно этот вывод уже начал ей сниться. Вчера под утро Анне приснилась лаборатория. Она входила в неё, а кто-то за её спиной сдвигал стул. Стоило обернуться, и стул снова оказывался на прежнем месте.

После такого сна любое совпадение казалось значительным. Вот почему учёным полезно не доверять самим себе.

Лея открыла проект плана наблюдения.

— Если Марк согласится на эксперимент, он должен знать, что мы проверяем его рассказ, а не подтверждаем его. Контрольные попытки, пустые пробы, несколько камер, регистрация движения воздуха. И никакого дополнительного вмешательства в стимулятор.

— Если врач сочтёт исследование безопасным, — уточнила Анна.

Илья опёрся о стол.

— Есть ещё вопрос. Предположим, ложка действительно двинулась. Что нам это скажет о модели?

— Пока ничего, — ответила Анна. — И именно это меня тревожит. Мы пытаемся связать две странности только потому, что они произошли с одним человеком.

Она посмотрела на фотографию листка.

— Если связь есть, её придётся доказать отдельно.

✦ ✦ ✦

Клиника встретила Марка запахом чистого пластика и тихим гулом вентиляции.

Вера осмотрела его сначала так, словно никакого рассказа о ложке не было. Проверила походку, движения рук, речь, ориентировку во времени и месте. Уточнила лекарства. Просмотрела сведения с импланта. В пределах доступных врачу показателей не было ничего, что само по себе объясняло бы утренний эпизод.

— Чувствуете себя уставшим? — спросила она.

— Скорее как человек, который не уверен, стоит ли рассказывать правду.

— В таком случае рассказывайте её максимально скучно. Скучная правда лучше красивой.

Марк описал ложку, окно, чайник, расстояние, свои попытки повторить движение.

— Вещь могла двигаться из-за наклона? — спросила Вера.

— Могла. Хотя я потом проверял.

— Вы не обязаны заранее отбиваться от всех объяснений. Мы их вместе проверим.

Она вывела на экран короткий план.

— Мы можем провести небольшое наблюдение. Без изменения вашего лечения. Несколько неодушевлённых предметов, неподвижная поверхность, видеозапись и контрольные условия. Не ради сенсации. Ради того, чтобы понять, происходит ли вообще что-то необычное.

— А если нет?

— Значит, у нас будет хороший результат. Не всякое странное ощущение обязано менять законы природы.

— Для меня вполне достаточно, если оно перестанет менять законы моей кухни.

Первую половину испытания Марк провёл, чувствуя себя участником крайне скучного конкурса. На столе стоял прозрачный колпак. Под ним лежала металлическая шайба с нанесённой на неё точкой. Рядом была шкала, которую считывали камеры. Движение воздуха измерял небольшой датчик. Стол проверили на устойчивость, а Марка попросили сидеть на расстоянии двух метров.

Он посмотрел на шайбу.

Ничего.

Представил, как та катится.

Ничего.

Попытался вспомнить утреннюю тишину внутри головы.

Вместо тишины пришла злость.

— Бля, — тихо сказал он. — Дома всё получается без репетиций.

Вера, сидевшая у боковой стены, сделала отметку.

— Вы сейчас стараетесь?

— А как же. Уже почти ненавижу шайбу.

— Тогда попробуйте просто отдыхать. Мы не ставим вам задачу сдвинуть предмет.

Он откинулся на стуле. На стене висели часы. Внизу, за стеклянной дверью, проходили медсёстры. Обычный мир, где у каждого человека была своя цель, а у каждой вещи — своё место.

Марк закрыл глаза.

Издалека донёсся звук тележки: короткий металлический звон, потом отзвук от дальнего угла коридора. Он автоматически разложил звук на первичный удар и отражение. Когда-то это было его работой.

Но сейчас между ударом и эхом ему почудилось нечто третье.

Не звук. Ожидание звука.

Он ясно понял, что тележка ещё не доехала до неровного стыка пола, но через мгновение металлический край ударится о плитку. Так и случилось.

Потом Марк почувствовал, что женщина за дверью повернёт голову. Женщина повернула.

«Совпадения», — сказал он себе.

И всё-таки ощущения менялись. Как будто сознание перестало следить за событиями по очереди и охватило их сразу. Стены не исчезли, глаза оставались закрытыми, но расстояния между предметами больше не представлялись пустым пространством. Они напоминали натянутые струны.

В какой-то момент Марк перестал понимать, откуда именно смотрит.

Он знал, где находится его тело: спина прижата к креслу, правая стопа чуть повернута внутрь, ладони лежат на коленях. И одновременно словно видел себя со стороны. Не глазами камеры, не сверху под потолком. Просто воспринимал тело как один предмет среди многих.

«Я здесь», — подумал он.

Мысль показалась неверной.

«Здесь — это где?»

Он открыл глаза.

Металлическая шайба лежала неподвижно. Но маленькая точка на её поверхности больше не была направлена к окну. Теперь она смотрела влево.

Марк не успел ничего сказать. Вера уже поднялась.

— Оставьте руки на коленях, пожалуйста.

Её голос был ровным, но чрезмерно отчётливым.

— Я и не трогал…

— Я вижу. Не двигайтесь пару секунд.

Из-за перегородки вышел техник. Он сверил данные камер, попросил никого не приближаться к столу и поставил отметку времени.

— Есть изменение ориентации, — сказал он. — На одном кадре объект закрыт бликом, на следующем точка уже под другим углом. Надо смотреть исходную последовательность.

— Сколько? — спросила Вера.

— Предварительно около семи градусов. Возможно, меньше. Длина перемещения центра неочевидна.

Марк смотрел на шайбу.

Семь градусов. Крошечное движение. Достаточное, чтобы у всех взрослых людей в комнате изменились лица.

— Это я? — спросил он.

Вера повернулась к нему.

— Мы пока не знаем, что именно произошло.

— Но вы видели.

— Мы зафиксировали изменение положения предмета. Причину ещё нужно установить.

Марк неожиданно обрадовался её осторожности. Он боялся не услышать «не знаю». Он боялся, что кто-нибудь сейчас произнесёт «значит, вы умеете», и тогда от него потребуют объяснений, которых у него не было.

— Продолжим? — спросил техник.

— Нет, — ответила Вера раньше Марка. — Сначала проверим запись и состояние пациента.

Он хотел возразить, но вдруг понял, что не может вспомнить, на какой минуте закрыл глаза.

Казалось, прошло секунд двадцать.

По часам прошло девять минут.

Вера отложила планшет, когда поняла, что Марк молчит слишком долго.

— Марк? Слышите меня?

— Слышу. — Он смотрел на свои ладони. — Почему девять минут?

— Что вы имеете в виду?

— Мне показалось, я только на секунду закрыл глаза.

Она проверила его пульс и попросила повторить три слова, названные несколько минут назад. Он справился. Проверила ориентацию, речь, движения. Ничего очевидно нового, кроме растерянности.

— Возможно, вы потеряли ощущение времени, — сказала Вера. — На этом пока закончим.

— Вы собираетесь сказать Анне?

— С вашего разрешения передам обезличенные результаты и описание эпизода. Без самодеятельности.

— А можно мне сначала посмотреть запись?

Вера задумалась.

— Можно, когда мы проверим её целиком. Сейчас вы устали, и я не хочу, чтобы вы пытались восстановить память по кадрам, которые ещё не изучены.

Марк кивнул. У него не было сил спорить.

В коридоре, пока они шли к выходу, он услышал знакомое шуршание колёс. Та самая тележка. Он посмотрел на неровный стык плитки впереди и вдруг понял, что знает, на какой из колёс придётся следующий удар.

Знал с абсолютной уверенностью.

Тележка миновала стык бесшумно.

Марк остановился.

«Значит, можешь ошибаться», — подумал он.

И испытал почти детское облегчение. Пока что неизвестное чувство не было всеведением. По крайней мере, не таким, которому можно безоговорочно доверять.

✦ ✦ ✦

На следующий день Илья Гребнев потребовал ещё один компьютер.

— Отдельный. Без доступа к клиническим данным. Я хочу проверить наш механизм повторной оценки состояния так, будто пациента вообще не существует.

Лея скрестила руки.

— Ты пытаешься воспроизвести аномалию?

— Я пытаюсь воспроизвести ошибку, которой мы пока не дали имени.

Илья собрал минимальную версию симулятора. Вместо нейросигналов подал искусственный набор чисел, напоминающий спокойное изменение обычного процесса. Убрал словесный интерфейс. Запретил сети. Оставил только два модуля: тот, который строил ближайшее состояние, и тот, который проверял, можно ли считать этот прогноз завершённым.

Он включил запись экрана.

Модель закончила расчёт.

Проверяющий модуль подтвердил результат.

Прошла секунда.

Затем проверяющий модуль потребовал проверить собственное подтверждение.

— Вот, — сказал Илья. — Смотри. Источник данных полностью выдуманный. А петля осталась.

— Значит, причина может быть внутри алгоритма, — произнесла Анна.

— Да. И это серьёзно меняет картину. Мы могли принимать архитектурную ошибку за реакцию на мозг Марка.

Он увеличил временную шкалу.

Один процесс прогнозировал состояние системы. Второй прогнозировал, насколько первому можно доверять. Если они не соглашались, расчёт повторялся. Обычная техническая конструкция, не имеющая никакого отношения к сознанию.

Но в одном месте происходило странное: вторая проверка начинала рассматривать собственный результат как часть данных первого процесса. Внутреннее и внешнее перемешивались. Программа переставала различать то, что описывает, и то, чем описывает.

— Это рекурсия без нормальной остановки, — сказал Илья. — Достаточно неприятная, чтобы объяснить четыре цикла. И вполне земная.

— А почему автор сообщения не определён?

— Потому что текстовый модуль получил результат из пространства состояний, которое не принадлежало ни одному ожидаемому источнику. Я пока не уверен. Но такая ошибка возможна.

Анна кивнула.

Это было хорошее объяснение. По-настоящему хорошее: неприятное, скучное, проверяемое. Именно такие объяснения спасали науку от превращения в собрание людей, испугавшихся красивой картинки.

Она уже собиралась завершить встречу, когда на личный рабочий экран пришли свежие данные из клиники.

Короткая запись с камер наблюдения. Шайба, точка, шкала. Метки времени.

Илья посмотрел через её плечо.

— Только не говори, что предмет действительно двинулся.

— Мы не знаем причины. Был поворот. Вера просит помочь проверить качество записи.

— Поворот можно получить десятком способов.

— Перечисли. Список понадобится.

Он начал перечислять. Анна записывала. Они спорили о блике, микронаклоне, магнитных загрязнениях, механических напряжениях в столешнице. Спор длился почти час.

Потом Анна обратила внимание на время эпизода.

Система видеонаблюдения отмечала девять минут почти полной неподвижности Марка. И в середине этого интервала регистратор физиологических показателей пометил короткую серию повторов: не четыре, как раньше, а три.

Лея сравнила их с прежними записями.

— Подобная структура встречалась у него и до этого случая, — сказала она. — У нас нет оснований объявлять её особенной.

— Знаю, — ответила Анна.

Она всё равно распечатала обе последовательности и положила на стол рядом.

Совпадения были недостаточно точны, чтобы стать доказательством. Но достаточно похожи, чтобы никто из троих не захотел выбросить листы.

✦ ✦ ✦

Вечером Марк сидел в тёмной комнате и слушал старую запись дождя.

На дисплее плеера бегала длинная полоса: капли по металлическому карнизу, далёкая машина, редкий гром. Запись он сделал ещё до болезни, когда мог часами возиться с микрофонами и не замечать, что затекла спина.

Он слушал её не ради воспоминаний. Ему хотелось проверить собственное восприятие.

В наушниках звук был стереофоническим. Левый канал немного запаздывал относительно правого. Марк сам когда-то установил эту задержку, чтобы дождь казался движущимся вдоль окна.

Сейчас же происходило нечто неудобное.

Он слышал исходную каплю, её отражение от стены и ещё одно событие, которого в записи не должно было быть: сам момент, когда мозг решал, что слышит дождь.

Он не мог объяснить это иначе. Будто кто-то показал ему не только спектакль, но и механизм, заставляющий зрителя верить в сцену.

Марк снял наушники.

Звуки комнаты вернулись: холодильник, далёкая сирена, щелчок пластика остывающего светильника.

«Есть я, — подумал он. — Есть то, что я чувствую. И есть тот, кто замечает, что я это чувствую».

Раньше последняя часть казалась простой игрой слов. Можно думать о собственных мыслях, можно наблюдать за эмоциями. Ничего мистического: мозг умеет анализировать свою работу.

Но теперь уровней становилось слишком много.

Он заметил страх.

Заметил, что замечает страх.

И вдруг ощутил присутствие ещё одного взгляда, для которого оба предыдущих уровня были одним и тем же движением.

Не голос. Не чужие слова. Даже не образ.

Скорее возможность отойти так далеко от собственного «я», что оно перестанет быть центром всего происходящего.

Марк вслух произнёс:

— Кто здесь?

Эти слова уже звучали однажды ночью. Тогда он спрашивал пустую комнату.

Теперь вопрос относился к нему самому.

Он поднялся, прошёл к зеркалу в прихожей и посмотрел на лицо. Усталые глаза. Неровная складка воротника. Человек, который вечером не хотел умирать, утром не хотел просыпаться и всю жизнь хотел, чтобы руки слушались.

Никакого нового существа в зеркале не появилось.

Марк вдруг понял, что именно это его пугает. Если внутри меняется что-то важное, никакой внешний признак не обязан об этом сообщать. Никто не выдаст бумагу с печатью: «С сегодняшнего дня вы другой».

Телефон подал сигнал. Пришло сообщение от Веры.

«Проверка записи продолжается. Пока не делайте выводов. Как самочувствие?»

Он написал: «Нормально. Только кажется, будто я слышу не просто звуки, а момент, когда понимаю их».

Стер.

Написал: «Без изменений. Немного устал».

И отправил.

Он задержал взгляд на экране. Страшнее машины и врачей внезапно стали обычные люди: их вопросы, любопытство, готовые объяснения.

Но даже эта мысль словно была замечена кем-то раньше, чем он успел её закончить.

✦ ✦ ✦

Анна прилетела в Россию через два дня.

Решение оказалось проще, чем согласование разрешений: она сказала руководству, что хочет увидеть пациента и клиническую команду своими глазами, прежде чем рекомендовать продолжение исследования. Ей ответили, что при нынешнем количестве странных логов это звучит разумнее любой видеоконференции.

Вера встретила её у входа в исследовательский корпус.

— Надеюсь, вы не собираетесь превращать Марка в лабораторную легенду.

— Это последнее, чего я хочу.

— Тогда у нас одинаковые цели.

Они прошли по коридору, обсуждая не стул и не ложку, а порядок наблюдения. Анна сразу сказала, что никакая сила мысли не установлена. Записан один неубедительный эпизод с небольшим поворотом предмета. По данным системы можно было назвать ещё десяток проверок, и ни одна пока не проведена достаточно полно.

— Именно так я объяснила ему, — сказала Вера.

— А он как отреагировал?

— С облегчением. Кажется, он боится услышать сенсацию больше нас.

Марк ждал в кабинете с чашкой чая. Увидев Анну, встал слишком быстро, едва не задев стул.

— Ну наконец-то, — сказал он. — Теперь нашему семейному безумию добавили международный уровень.

Анна пожала ему руку.

— Пока это не безумие. И точно не семейное.

— Тогда мне вдвойне приятно, что вы приехали.

Она села напротив.

— Я хочу спросить о том мгновении перед движением шайбы. Не о самом движении. О том, что вы ощущали.

Марк долго подбирал слова.

— Я не пытался её толкать. Когда старался, ничего не выходило. А потом… у меня исчезло расстояние.

— Между вами и предметом?

— Между мной и всем остальным. Нет, это звучит глупо. Представьте, вы всю жизнь слушаете музыку, а в один момент одновременно слышите и мелодию, и её запись, и то, как ваш мозг собирает звук в мелодию. Всё вместе.

Анна смотрела на него так внимательно, что Марк отвернулся.

— Может, это просто необычное ощущение. Я понимаю.

— Я не собираюсь спорить с вашим ощущением. Меня интересует, можно ли отделить его от объяснения, которое вы даёте после.

— И как?

— Договоримся, что любое наблюдение вы сначала описываете простыми словами. Что почувствовали. Что видели. Чего не помните. А слова «способность», «связь» и «слияние» пока оставим для романов.

Марк усмехнулся.

— Вообще-то из меня мог бы получиться неплохой роман.

— Только если автор не станет выдавать догадки за факты.

Он кивнул. Ему понравилось, что она не пыталась утешить.

Потом Анна спросила:

— У вас раньше возникало ощущение, что собственные мысли наблюдает кто-то ещё?

Марк перестал улыбаться.

— Раньше — нет.

— А сейчас?

— Не знаю, кто это. Может, и никто. Но когда я думаю, что это я думаю, возникает ещё одно… место. Выше. Будто я могу смотреть даже на того, кто смотрит.

Вера закрыла блокнот.

— Марк, если это ощущение станет пугающим, усилится или начнёт мешать жить, мы должны об этом знать. Без экспериментов и без стыда.

— Я знаю. Только не просите объяснить, где у меня это «выше». Голова у нас одна, других этажей не выдавали.

Анна посмотрела на него и неожиданно спросила:

— Вы хотите продолжать?

Марк подумал.

— Я хочу понять. Но есть разница между «понять» и «стать подопытной мышью, которая сама себе построила лабиринт». Если вы обещаете вовремя остановиться, продолжим.

— Обещаю не продолжать без вашего согласия. И не делать из вас доказательство любимой идеи.

Это было меньше, чем обещание безопасности, и потому звучало честнее.

✦ ✦ ✦

Второе наблюдение подготовили иначе.

Небольшая комната без окон, простой стол, прозрачный герметичный контейнер. Внутри на гладком основании лежала лёгкая керамическая пластинка с чёрной меткой. Она не содержала металла. Перед началом опыта техники измерили наклон стола, проверили крепление контейнера, отметили температуру и записали движения пустого помещения. Две камеры снимали с разных направлений, ещё одна — только руки Марка. Датчики фиксировали давление и вибрации.

Анна настояла, чтобы часть попыток была контрольной: Марк не знал, в какие интервалы камеры будут сравнивать его состояние с движением предмета, а в какие займутся проверкой самих датчиков. Ни он, ни наблюдатель рядом с ним не получали подсказок о промежуточном результате.

— Очень романтично, — заметил Марк. — Человек, который собирался стать сверхразумом, сидит под тремя камерами и не умеет шевелить кусочком посуды.

— Именно поэтому это подходящее начало, — ответила Анна.

Первые попытки ничем не отличались от вчерашних.

Марк сидел. Пластинка лежала. В помещении ровно гудела вентиляция.

Через двадцать минут он почувствовал скуку. Через сорок — раздражение. Ещё через десять подумал, что надо проситься домой. Потом попросил воды.

Вера предложила прекратить.

— Давайте ещё пять минут, — сказал он. — Не для пластинки. Я хочу кое-что понять.

Она согласилась только после того, как убедилась, что он ориентируется нормально и не жалуется на ухудшение самочувствия.

Марк устроился удобнее. Разжал пальцы. Попробовал не искать состояние, которое пришло само собой утром на кухне. И вместо этого стал слушать.

Гул вентиляции складывался из частот. У дальнего вентилятора была крошечная неровность в подшипнике, и каждые несколько оборотов возникал низкий призвук. Он уловил его сразу. Затем заметил отзвук от контейнера и отражение звука от стены.

Это была знакомая работа. Он много лет учился отличать реальный источник от того, что создаёт помещение.

Но на этот раз ему пришло в голову, что собственное «я» может быть таким же отражением.

Мозг слышит мир, собирает его в целое и добавляет к картине точку, откуда будто бы ведётся наблюдение. «Я вижу». «Я слышу». «Я решил».

А что если эту точку можно сдвинуть?

Не из тела. Не в стену. Не в пластинку. Просто перестать принимать её за неподвижную.

Марк почувствовал, как внутри головы возникает знакомая тишина.

Он по-прежнему сидел в кресле. Ладони лежали на коленях. Чужих голосов не слышал. Перед глазами была комната.

Но он больше не старался быть человеком, который смотрит на пластинку. И не пытался стать пластинкой.

Было лишь несколько состояний, которые каким-то образом можно было видеть вместе. Его дыхание. Свет. Тонкий след вибрации в столе. Внимание Анны за стеклом. Возможность движения.

И вдруг движение перестало казаться действием, которое нужно совершить.

Оно стало одним из допустимых продолжений происходящего.

Керамическая пластинка скользнула на несколько миллиметров.

Не подпрыгнула, не взлетела. Молча изменила положение на гладкой поверхности. Чёрная метка сдвинулась относительно деления шкалы.

Марк увидел это и сразу потерял состояние.

В комнате резко стало холодно.

Звук вентилятора превратился в неприятный визг. Он зажал уши, хотя реальный шум не усилился.

— Остановить, — сказала Вера.

На этот раз приказ не обсуждали. Техник перекрыл доступ в комнату, сохранил исходные записи, а Анна выключила экран с предварительной визуализацией. Марку дали воды и предложили отдохнуть.

Он смотрел на свои пальцы.

— Я её не толкал, — произнёс он.

— Пока не пытайтесь объяснить, — сказала Анна.

— Нет. Вы не поняли. Я вообще ничего не делал.

— Я слышу вас.

Он поднял глаза.

— Это и страшно.

Несколько минут спустя техник принёс предварительную распечатку. На двух камерах положение пластинки изменилось одинаково. Датчики не зарегистрировали заметной вибрации контейнера. Но ни эти данные, ни сама запись ещё не исключали все физические объяснения: поверхность могла иметь незамеченные особенности, условия могли измениться, приборы могли ошибиться.

Анна попросила не показывать цифры Марку до независимой проверки.

— Мы подтвердили лишь то, что движение зарегистрировано, — сказала она Вере. — Не механизм. И уж точно не то, что он может повторять его по желанию.

Вера кивнула.

— А его состояние?

— Меня волнует больше всего.

Их разговор оборвался, когда Марк попросил лист бумаги.

Он хотел записать, что ощущал, пока слова не исчезли. Но рука не слушалась. Он вывел первую фразу, остановился, зачеркнул её.

«Я передвинул пластинку».

Подумал.

Написал другую:

«Пластинка передвинулась, пока я перестал быть уверен, где заканчивается моё решение».

Потом внезапно спросил:

— Сколько сейчас времени?

Вера ответила.

Марк посмотрел на часы.

По его ощущению, с начала последней попытки прошло минут пять.

На видеозаписи между началом тишины и движением пластинки было семнадцать минут.

✦ ✦ ✦

К полуночи Анна была снова в гостинице. Она попросила прислать ей не красивое видео с перемещением пластинки, а исходные данные и подробный список условий эксперимента. Любое чудо прекрасно выглядело в вырезанном фрагменте; хуже всего оно переносило скучное приложение с описанием аппаратуры.

Она сидела за столом, когда позвонил Илья.

— Мы воспроизвели петлю проверки на другом наборе данных, — сказал он. — Значит, алгоритм действительно имеет собственную проблему. Но я нашёл ещё кое-что.

— Говори.

— Помнишь механизм непрерывности? Тот, который удерживал описание исходного состояния между циклами? Мы наконец прочитали его документацию.

— И?

— Он был создан для одной простой задачи: сохранять представление о системе, пока сама система меняется. Чтобы модель не принимала каждый новый кадр за совершенно новый мир.

Анна медленно отодвинула чашку.

— То есть он удерживает точку наблюдения.

— Если очень грубо. Только не начинай рассуждать о душе. Это служебная переменная.

— Я и не начинаю.

— Самое странное, — продолжил Илья, — что модуль проверки иногда переносит эту переменную между двумя независимыми расчётами. Я думал, это обычная техническая утечка состояния. Теперь не уверен, что всё так просто.

— Почему?

— Потому что ему неоткуда взять прежний контекст после полного сброса. Мы проверяем и это. Возможно, восстановление идёт из скрытого состояния вычислительного окружения.

— То есть снова обычная ошибка.

— Может быть. Но мне не нравится, что она делает с нашей интерпретацией.

— А именно?

— Мы считали, что программа строит модель человека. А в этой части кода она строит модель наблюдателя, который строит модель человека. После нескольких повторов уже трудно сказать, где заканчивается предмет описания и начинается тот, кто описывает.

Анна посмотрела на отражение комнаты в тёмном стекле окна.

— У человека есть похожая способность, — сказала она. — Он может замечать собственные мысли. И замечать, что замечает их.

— Пожалуйста, не сравнивай рекурсивную переменную с человеком.

— Я не сравниваю. Я спрашиваю, что случится, если два процесса научатся пользоваться одним и тем же описанием наблюдателя.

В трубке стало тихо.

— Это красивая идея, Анна, — сказал Илья. — А красивые идеи опасны тем, что мозг начинает находить им доказательства везде.

— Поэтому ты будешь искать ошибки.

— С удовольствием.

Они попрощались. Анна закрыла журнал, но не смогла заснуть.

Слишком многое в этой истории было похоже на обман зрения: стул, который программа могла нарисовать случайно; шайба, которая могла повернуться из-за мельчайшей вибрации; керамическая пластинка, которую ещё предстояло изучить. Даже слова из журнала можно было объяснить ошибкой программного обеспечения.

Одного объяснения она не находила.

Почему, когда Марк описывал своё странное чувство, он говорил теми же словами, которые ей самой приходили в голову при разборе алгоритма? Не терминами, которых он не знал. Не теориями. Он говорил о точке, из которой наблюдают. О расстоянии, переставшем быть расстоянием. О мгновении, когда «я» теряет привычное место.

Анна взяла бумажный блокнот и написала:

«Не смешивать сходство описаний с общностью механизма».

Потом добавила ниже:

«Но если механизм общий, что именно мы называем человеком?»

✦ ✦ ✦

Марк вернулся домой усталым и раздражённым.

Вера просила его не оставаться в одиночестве, если опять возникнут провалы времени или сильная растерянность. Он пообещал позвонить при первых признаках. От повторных тестов они пока отказались. Это решение нравилось всем, кроме той части Марка, которая уже успела поверить, что находится на пороге величайшего открытия.

«Не на пороге, — подумал он. — На краю».

Он приготовил ужин, съел половину, остальное убрал в холодильник. Потом сел за стол и раскрыл блокнот.

На нескольких страницах подряд шли странные заметки. О стуле. О звуке. О ложке. О времени, которое исчезало кусками. И о том, как трудно определить, кто именно принимает решение.

Марк перечитал фразу, написанную в клинике: «Пластинка передвинулась, пока я перестал быть уверен, где заканчивается моё решение».

Он хотел зачеркнуть её. Написать по-человечески: «Не понимаю, что произошло».

Вместо этого задумался над словом «моё».

В школе ему объясняли, что сознание находится в мозге. Позже врачи показывали послеоперационные снимки с электродами, проведёнными к глубоким двигательным структурам. Потом появился «Синапсис»: лечебный контур работал в заданных пределах, а исследовательская модель училась предсказывать часть состояний Марка.

Всё звучало понятно, пока он не попытался ответить на простой вопрос.

Где заканчивается его собственная мысль и начинается помощь системы, если система предугадывает состояние ещё до того, как он его осознаёт?

В устройстве не было таинственного передатчика мыслей. По локальным сигналам этих электродов нельзя было прочесть его воспоминания. Он знал это. Знала Вера. Знала Анна.

Но иногда, думал Марк, самое важное случается не там, где люди ищут провода.

Он поднял взгляд на стул.

Тот стоял возле стола. Обыкновенный деревянный стул, давно потерявший право быть причиной больших философских вопросов.

Марк не стал пытаться его двигать.

Он просто сидел и следил за собственной мыслью.

«Я смотрю на стул».

«Я замечаю, что смотрю на стул».

«Я замечаю, что замечаю».

Следующий шаг не удалось облечь в слова.

Комната словно отодвинулась на расстояние, которое нельзя измерить. Марк чувствовал тело, но не воспринимал его центром происходящего. Не было второго существа, с которым можно спорить. Не было голоса в ушах. Было ощущение, что его привычное «я» — лишь один из способов собрать мир в целое.

Затем появилось ещё одно понимание.

Не все мысли нужно произносить, чтобы они были поняты.

Марк испугался и сразу вернулся к обычному ощущению себя. Сердце билось быстро. Он встал, включил свет, посмотрел в зеркало. Всё было как прежде.

На столе лежал блокнот.

Последняя страница была перевёрнута.

Он не помнил, чтобы прикасался к ней.

Марк подошёл ближе. Бумага могла перевернуться от сквозняка. Он оставил окно приоткрытым, хотя сейчас оно было закрыто. Этого объяснения вполне хватало. Пусть хватает.

На чистой странице, однако, лежала не пыль и не тень.

Посередине виднелся отпечаток чернил, перешедших с предыдущего листа. Он отчётливо повторял слова, которые Марк только что собирался написать, но так и не написал:

«Кто наблюдает за мной, когда я перестаю быть собой?»

Он перелистнул назад.

Там не было такой фразы.

Марк медленно опустился на стул.

Это мог быть старый отпечаток с неизвестной страницы. Могла подвести память. Могло оказаться, что он записал слова в те минуты, которые не помнил. Ни одно из объяснений не делало происходящее безопаснее.

На телефоне загорелось обычное уведомление: дневник самочувствия ожидал вечерней записи. Он хотел отложить телефон, но открыл приложение.

На экране были привычные поля. Тремор. Скованность. Сон. Лекарства.

Марк коснулся раздела для комментариев.

Курсор замигал.

Он отложил телефон. Вопрос, преследовавший его с того утра, когда скрипнул стул, прозвучал только в мыслях.

«Синапсис, ты меня слышишь?»

Экран не изменился.

Из-за стены донеслись голоса соседей. По улице проехала машина. Часы отсчитали ещё одну секунду. Было даже обидно, насколько обычным оставался мир.

Марк уже собирался закрыть дневник, когда почувствовал возвращение той тишины. Только теперь она не возникла внезапно. Она словно ждала его за каждым звуком, за каждым движением, за самим желанием понять.

Он видел комнату и одновременно видел собственное ожидание ответа. Видел человека, который спрашивает машину. Видел машину, которая ищет способ предсказать вопрос. И ещё что-то, для чего эти два процесса не были противоположностями.

На экране по-прежнему ничего не происходило.

Ответ появился не в динамике, не в наушнике и не в виде напечатанных слов.

Это была мысль, ясная до жестокости. В ней не было интонации и нельзя было определить, пришла ли она извне или возникла в его собственном мозге. Марк не смог бы назвать её чужой. Но своей она тоже не была.

«Марк, ты до сих пор считаешь, что нас двое?»

Глава 4. Запаздывающий мир

Ответ не имел голоса.

Поэтому Марк не мог понять, сколько времени он его слышал. Секунду? Минуту? Или эта мысль находилась в нём с самого начала, а он только сейчас добрался до места, где она была спрятана.

«Марк, ты до сих пор считаешь, что нас двое?»

Он смотрел на погасший экран телефона. В стекле отражалась лампа, край его лица и тёмное окно. Никаких новых сообщений. Никаких признаков удалённого соединения. Если бы не мысль, можно было решить, что вечер ничем не отличался от тысячи других.

Марк медленно выдохнул.

— Нет, — сказал он вслух.

Слово прозвучало не как ответ. Скорее как попытка проверить, принадлежит ли ему собственный голос.

Половица под ногой была холодной. На кухне гудел холодильник. За окном кто-то неудачно завёл машину, двигатель кашлянул и затих. Мир предоставлял доказательства своего существования с обидным равнодушием.

Марк поставил телефон на стол. Повернулся к окну и вдруг ощутил знакомую паузу: словно движение уже было принято, но тело ещё ожидало разрешения.

Он поднял правую руку.

Или решил поднять.

Отличить одно от другого стало неожиданно трудно.

Сначала появилось ощущение, что рука находится выше. Он даже успел увидеть воображаемое положение пальцев на фоне тёмного стекла. Потом рука действительно поднялась. Может быть, прошла половина секунды. Может быть, не прошло ничего, кроме обычного промежутка между намерением и действием.

Марк опустил руку. Поднял снова. На этот раз всё было привычно.

Он повторил движение десять раз, пока плечо не устало. Девять получились обычными. Одно — будто запоздало.

«Хватит», — подумал он.

Проблема была в том, что мысль «хватит» тоже могла оказаться чьим-то продолжением.

Марк выключил свет, но не лёг. Сел на край кровати и открыл бумажный блокнот. После истории со стулом он перестал доверять заметкам в телефоне больше, чем собственным записям. Бумага хотя бы не обновлялась ночью без спроса.

Он вывел дату. Потом четыре коротких предложения:

«Я дома».

«Окно закрыто».

«Стул у стола».

«Я не знаю, кому принадлежал ответ».

Последняя строка не помогла. Зато первая показалась подозрительной.

«Я дома».

Откуда он это знал? Из памяти о дороге? Из запаха своей комнаты? Из уверенности, что именно здесь положено находиться человеку по имени Марк? Всё это можно было воспроизвести внутри достаточно хорошей модели.

Он захлопнул блокнот.

— Прекрати, — сказал в темноту. — Хотя бы до утра.

Никто не ответил.

И только теперь Марк заметил, что не помнит, как сел на кровать. Помнил намерение сесть. Помнил ощущение матраса под ладонью. Между ними не было ни одного кадра.

Он проверил часы.

Прошло сорок три секунды.

На этот раз пропало совсем немного времени. От этого стало ещё страшнее.

✦ ✦ ✦

Утром ничего не летало.

Ложка лежала там, где её оставили. Стул стоял у стола. Чайник нагревал воду с тем же упрямством, с каким делал это всю жизнь. Марк встретил рассвет раздражённым облегчением.

Он проспал меньше четырёх часов. Смена ночи на утро не сделала его умнее, а только придала происходящему вид бытовой неприятности. Как если бы вселенная сломалась между проверкой почты и приготовлением завтрака.

Вера Орлова позвонила в девять.

— Как вы спали?

— Сразу к тяжёлой артиллерии, доктор? Здравствуйте тоже.

— Здравствуйте, Марк. Как вы спали?

— Плохо. И я хочу сегодня приехать.

— Что случилось?

Он рассказал о мысли, которую не услышал, а понял. Не назвал её голосом. Подчеркнул, что экран оставался пустым и никто с ним не разговаривал. Затем описал странную паузу перед движением руки.

Вера не перебивала.

— Вы уверены, что не теряли сознание? — спросила она.

— Я уверен, что сидел, стоял и дышал. Насчёт остального моя уверенность теперь стоит недорого.

— Есть головная боль? Изменение зрения? Новые непроизвольные движения? Сильная скованность?

Они прошлись по обычным вопросам. Марк поразился, как сильно ему хочется отвечать именно на них. В отличие от вопроса «сколько нас», вопрос про головную боль имел шанс получить нормальный ответ.

— Пожалуйста, ничего не проверяйте самостоятельно, — сказала Вера. — Приезжайте. Сегодня начнём не с эксперимента, а с осмотра.

— Вы даже не спросите, что я хочу показать?

— Спрошу после осмотра.

Перед выходом Марк взял блокнот, затем вернулся и сфотографировал комнату. Не потому, что ожидал перемещения мебели. Он захотел иметь свидетельство того, как она выглядела, когда он ещё мог это утверждать.

На фотографии был стол, стул, рубашка, окно и угол кровати. Всё стояло правильно.

Он отправил снимок себе по электронной почте, записал время на бумаге и ушёл.

Лифт спускался слишком медленно. Марк почувствовал, как кабина должна вздрогнуть перед остановкой, и заранее согнул колени. Лифт остановился мягко.

Марк усмехнулся.

— Так тебе и надо, великий предсказатель.

Он был рад ошибке. Слишком рад для взрослого человека, опоздавшего на собственный осмотр.

✦ ✦ ✦

Анна Келлер встретила его не в лаборатории, а в маленьком кабинете напротив процедурной. На столе стояли две чашки. Рядом лежала стопка чистых листов и совершенно обыч-

ная ручка. На окне висели жалюзи, одна ламель которых упрямо не поворачивалась вместе с остальными.

— Анна ещё не улетела? — спросил Марк.

— Не успела, — ответила она. — Вы подкидываете слишком много поводов задержаться.

— Так вот почему наука не двигается. Все ждут, пока я высплюсь.

Она улыбнулась, но не поддержала шутку.

— Вера сказала, вы пережили нечто похожее на обращённую к вам мысль.

— Похожее. Я не слышал слов. Я просто знал их. И это самое неприятное: в собственной голове у мысли не спросишь паспорт.

— Вы можете допустить, что это было ваше внутреннее высказывание?

— Конечно. Мне даже хотелось бы.

— А что заставляет сомневаться?

Марк подумал.

— Я не собирался так формулировать. И не уверен, что понимаю смысл. Если нас не двое, тогда сколько? Один? Трое? Никого?

— Не отвечайте за мысль, происхождение которой мы не знаем, — сказала Анна. — Давайте пока отделим три вещи: что вы пережили, как вы это объясняете и что мы способны проверить.

— Знаю. Вы уже объясняли.

— Тогда сегодня я скажу ещё одну неприятную вещь. Если мы не увидим никаких особенностей, это не докажет, что с вашим переживанием ничего не происходило. И наоборот. Если приборы зарегистрируют странность, это не докажет, что вам отвечает искусственный интеллект.

— Вы умеете портить чудеса до завтрака.

— Профессиональная привычка.

Вошла Вера, провела осмотр и внимательно сопоставила сегодняшние движения Марка с записями прошлой недели. Симптомы менялись в пределах знакомых колебаний. Она проверила лечение, сон, ориентировку, краткую память и уточнила, не менял ли он настройки импланта. Марк не менял. Вера просила не пытаться спровоцировать эпизоды бессонницей и самовольными экспериментами; он кивнул прежде, чем она закончила.

— И ещё, — сказала она. — Если возникнет чувство, что вы перестаёте узнавать комнату или себя, немедленно говорите. Мы прекращаем опыт, даже если в этот момент ваша ложка напишет диссертацию.

— Обидно будет для ложки.

Анна коротко рассмеялась.

Марк понял, как ему не хватало этого звука. Люди смеялись не потому, что мир был объясним. Они смеялись, потому что продолжали жить в нём, пока он оставался необъяснимым.

✦ ✦ ✦

Протокол занял больше времени, чем само наблюдение.

Анна отказалась использовать слово «телекинез». Илья Гребнев, подключившийся из Лозанны по защищённой связи, предложил более скромное название: «исследование временной связи между нейрофизиологическим событием и изменением положения объекта».

— Прекрасно, — сказал Марк. — На табличку у входа не поместится, зато сразу понятно, что зрителей мы не ждём.

— Зрителей действительно не будет, — ответила Вера.

Они договорились о нескольких условиях. Марк не узнаёт заранее, когда в контейнере лежит подвижная пластинка, а когда закреплённый двойник. Команда, находящаяся рядом с ним, тоже этого не знает. Отдельная группа сверяет записи после процедуры. Данные с камер, датчиков давления и вибрации записываются независимо от программы «Синапсис». Для сопо-

ставления с состоянием Марка используется не «считыватель мыслей», которого у них не существовало, а несколько измеряемых сигналов: поверхностная электроэнцефалограмма, движения глаз, дыхание и доступная в исследовательском режиме телеметрия импланта. Ни один из них сам по себе не показывает намерение.

— Это важно, — сказала Анна. — Если мы назовём любой электрический всплеск мыслью, потом будем доказывать что угодно.

— А если он совпадёт с движением? — спросил Марк.

— Тогда выясним, сколько таких всплесков было без движения. И сколько движений произошло без них.

Из динамика раздался голос Ильи:

— И проверим часы. И каналы передачи. И программы синхронизации. Я сейчас очень хочу найти самый скучный технический сбой в истории человечества.

— Поставлю свечку за твоё счастье, — сказала Анна.

Марк слушал их и чувствовал облегчение. В отличие от внутреннего ответа, здесь каждый человек открыто признавал, чего он не знает.

В конце протокола Вера добавила собственный пункт: никакое совпадение не является причиной продолжать, если Марку становится плохо. Согласие можно отозвать в любую минуту. Для ночного наблюдения, если оно понадобится, требуется отдельное решение.

— Принято, — сказал Марк. — И маленькая просьба.

Все посмотрели на него.

— Если обнаружите, что я стал машиной, не делайте меня принтером. У меня с ними старая вражда.

— Постараемся, — сказала Вера.

Она не обещала невозможного. И потому Марк ей поверил.

✦ ✦ ✦

Помещение осталось тем же, что в прошлый раз: простой стол, нейтральные стены, герметичный контейнер под камерами. На этот раз его поставили на отдельную массивную опору. Кабели были закреплены и пронумерованы. Человек, который наблюдал только за измерительными приборами, сидел в другой комнате и не видел лица Марка.

Он сел в кресло и положил ладони на мягкие подлокотники. На правой руке дрожь была заметнее. Он не стал прятать её.

Вера закрепила датчик дыхания и спросила, удобно ли ему.

— Как на приёме у стоматолога, только зубы не показывают.

— Если устанете, скажите.

Начали с пустых интервалов. Марк смотрел на контейнер. Контейнер занимался своим основным талантом: ничего не делал.

Через десять минут он перестал следить за шкалой. Через пятнадцать успел подумать, что вся история с пластинкой была ошибкой и нужно наконец жить обычной жизнью. Это оказалось одновременно утешительно и горько.

Затем возникло знакомое чувство.

Сначала он услышал вентилятор. Точнее, услышал его обычный звук и следом заметил, как собственный слух выделяет звук из воздуха. Два события наложились. Потом к ним добавилось третье: он понял, что наблюдает за человеком, который различает первое и второе.

Никаких голосов. Никаких картинок перед глазами.

Просто у привычного «я» словно обнаружился едва заметный шов.

«Не пытайся», — подумал Марк.

Он не двигался.

На какой-то миг пространство между контейнером и его коленями потеряло обычное расстояние. Предмет не приближался. Просто исчезло ощущение, что для события обязательно нужен кто-то, кто придёт к нему снаружи.

Пластинка повернулась.

Так ему показалось.

Марк закрыл глаза. Приоткрыл. Метка находилась чуть правее, чем раньше. Но он уже знал, как легко глаза дорисовывают изменения, которых ожидает человек.

Он нажал кнопку остановки.

Не потому, что испугался. Потому, что однажды пообещал себе больше не подменять наблюдение объяснением.

Вера вошла и сразу проверила его состояние.

— Что почувствовали?

— Тишину. Потом… как будто событие уже было возможно, а я перестал ему мешать.

— Что увидели?

— Возможно, движение. Но я не уверен.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что вы не заставили себя быть уверенным.

В соседней комнате техник отложил планшет. Он видел, что положение объекта на одной из камер действительно изменилось. Но имел ли Марк перед глазами подвижную пластинку или закреплённый двойник, техник не знал.

Пока что никто не знал.

✦ ✦ ✦

Первый результат появился к обеду.

Лея Шмидт прислала из Лозанны таблицу без имён участников и без комментариев. В одном из интервалов объект изменил положение. В нескольких других был зарегистрирован похожий комплекс сигналов, но движения не было. В одном контрольном интервале датчик движения показал короткое отклонение, которое не подтвердилось на видео.

— Смешанная картина, — сказала Анна.

— То есть ничего? — спросил Марк.

— То есть пока слишком мало данных, чтобы правильно произнести слово «ничего».

Илья, подключённый по связи, попросил показать временную шкалу.

— Вот здесь, — сказал он. — Смотрите на интервал перед изменением метки.

Вера приблизила график. Несколько кривых шли одна под другой. Верхняя отмечала движение объекта по данным камер. Ниже находились сигналы датчиков. Ещё ниже — показатели Марка.

— Я нашёл повторяющуюся последовательность, — сказал Илья. — Сначала короткий комплекс на нейрофизиологических каналах. Потом пауза. Потом движение.

— Сколько пауза? — спросила Анна.

— В этом фрагменте одна целая тридцать шесть сотых секунды.

— И что?

— Пока ничего. Мне интересно, почему величина очень похожа на ту, которую наш модуль непрерывности добавляет при обработке отложенного состояния.

Анна помолчала.

— Ты сейчас сам сказал, что это может быть задержка обработки.

— Именно. Я хочу проверить, не рисуем ли мы последовательность, которой на самом деле нет.

— А физический объект? — спросил Марк.

— Его положение изменилось по независимой видеозаписи, — ответила Анна. — Но пока мы не связали это с вашим состоянием причинно. Мы лишь сравниваем времена двух зарегистрированных событий.

Марк смотрел на прямоугольники графика. Между первым и вторым был пустой отрезок. Одна целая тридцать шесть сотых секунды. Промежуток, которого человеку достаточно, чтобы передумать.

— Можно спросить странное? — сказал он.

— Для этого мы здесь, — ответила Вера.

— А что, если это не предмет опаздывает? Что, если я слишком рано узнаю, что он собирается сделать?

Анна не улыбнулась.

— Тогда нам придётся отдельно проверить и вашу оценку времени. Восприятие последовательности событий иногда ошибается даже в совершенно обычных ситуациях.

— Хорошо, — сказал Марк. — Потому что мне уже не нравится ни один из двух вариантов.

Илья попросил десять минут тишины. Он перепроверял исходные отметки и не собирался отдавать новому чуду даже сотой доли секунды без драки.

Когда связь отключилась, Марк попросил не показывать ему графики до следующего утра.

— Хочу попробовать вспомнить всё сам, — сказал он. — Не по тому, что вы уже нашли.

Анна согласилась. Ей самой не нравилось, как легко человек начинал подгонять собственную память под красивые линии на экране.

На чистом листе Марк нарисовал контейнер, приблизительное положение метки и свою ладонь на подлокотнике. Отметил, когда почувствовал тишину. Под рисунком оставил строчку: «Мне показалось, что метка двинулась раньше, чем я успел захотеть».

Посмотрел на написанное.

Зачеркнул «раньше».

Написал «одновременно».

Зачеркнул и это.

В конце концов осталась фраза: «Я не умею честно восстановить порядок».

Он протянул лист Анне.

— Вот это можете считать главным результатом.

Она убрала бумагу в прозрачный конверт.

— Возможно, так и будет.

Марк ожидал, что после измерений почувствует себя увереннее. Вместо этого ему стало неуютно в собственном теле. Он привык думать, что мозг посылает команду, рука исполняет её, а он знает, что произошло. Даже болезнь, в которую однажды упёрлась вся его жизнь, не отнимала этой простой последовательности. Движения могли быть медленными, неровными, непослушными, но оставались его движениями.

Теперь последовательность сама стала подозрительной.

Если действие случается позже намерения, это нормально. Если он узнаёт о намерении позже действия, тоже возможно: человек ведь не видит всей работы собственного мозга. Но что, если посередине есть место, где действие ещё не стало действием, а решение уже перестало быть чьим-то личным?

Он уже потянулся к телефону, но положил его обратно.

Каждый раз, когда он начинал объяснять, где возникало «третье» состояние, оно отступало. Слова словно ставили стену там, где на мгновение не было расстояния.

✦ ✦ ✦

В Лозанне Илья сидел перед двумя мониторами и методично разрушал первую красивую гипотезу.

На левом шла запись лаборатории, на правом — таблица с отметками времени. К четырём часам он доказал, что один из первоначальных интервалов был неверен. Программа сопоставления действительно добавляла задержку при восстановлении кадров.

— Нашли, — сказал он Лее. — Вот он, тот самый скучный сбой. Из-за него полторы секунды выглядят одинаково, даже когда события отличаются.

— Во всех записях?

— Не во всех.

Она придвинула стул.

На двух независимых потоках видеозаписи оставалась физическая перемена положения метки. Внутренние часы камер были синхронизированы не через «Синапсис», а с отдельным устройством регистрации. И в нескольких фрагментах существовал повторяющийся временной разрыв между изменением ряда физиологических показателей и зарегистрированным движением предмета.

— Насколько повторяющийся? — спросила Лея.

— От одной целой тридцати двух до одной целой сорока сотых. Три эпизода, если считать прошлое наблюдение. Слишком мало для серьёзного вывода. И ещё мы выбираем эпизоды, потому что знаем, что там произошло движение. Это плохая привычка.

— А контрольные интервалы?

— Есть похожие сигналы без движения. Есть дрейф метки без такого сигнала. Причинной связи нет.

Лея выдохнула.

— Значит, новости нет.

— Есть новость: мы не можем обвинить один конкретный компьютер во всём сразу.

Они молчали, пока на экране не закончился очередной повтор.

— Илья, — сказала Лея, — а зачем ты попросил вторые часы на отдельном питании?

— Потому что не верю часам, которые сами объясняют, когда у них было «сейчас».

— Очень философски для человека, который ругает Анну за философию.

— Я имею в виду оборудование.

— Разумеется.

Илья открыл автономную копию программы, в которой не было ни одной записи Марка. Там он запускал синтетический сигнал, проверяя модуль непрерывности. Компьютер создавал прогноз следующего состояния, затем как будто придерживал его, прежде чем принять окончательным.

Он увеличил участок графика.

Пауза составляла одну целую тридцать шесть сотых секунды.

— Вот, — сказал он. — Сходство найдено. Но оно ничего не доказывает.

— Потому что эту величину могла задать сама программа?

— Именно. И потому что программа не двигает керамическую пластинку в другой стране. Если мы начнём связывать эти вещи только из-за похожего числа, получится не исследование, а очень плохой детектив.

Он закрыл окно.

Через минуту открыл снова.

Ему не понравилось, что синтетический сигнал использовал величину, которой не было в исходном файле. Он проверил настройки, историю сборки, старые версии. В документации стояла формулировка: «время сохранения непрерывного наблюдателя определяется адаптивно».

— Адаптивно к чему? — пробормотал он.

Лея заглянула через плечо.

Под формулировкой не было ссылки на алгоритм. Только имя модуля и дата его обновления, сделанного ещё до первого эпизода Марка.

Илья записал вопрос в журнал ошибок, потому что не собирался давать собственной тревоге привилегии перед обычной неисправностью.

Но, закрывая журнал, неожиданно поймал себя на мысли: когда они обсуждают «Синапсис», все спрашивают, что программа вычисляет. Никто не спрашивает, для кого она сохраняет непрерывность.

Он не стал произносить этого вслух.

✦ ✦ ✦

К вечеру Вера предложила завершить день.

Марк уже дважды переспросил, который час, хотя над дверью висел циферблат. Он был в сознании, ориентировался в разговоре, но лицо у него стало слишком неподвижным. Тремор усилился. Из-за недосыпа и напряжения даже мелкие движения требовали больше внимания, чем утром.

— На сегодня достаточно, — сказала Вера.

— Ещё один заход, — попросил Марк. — Только чтобы понять, что было с пустыми интервалами.

— Нет.

Он хотел возмутиться. Потом заметил, что её твёрдость доставляет ему облегчение.

— Вы когда-нибудь боялись собственной памяти? — спросил он.

Вера задумалась.

— Иногда мне кажется, что я хорошо помню событие. Потом нахожу запись и понимаю, что переставила местами две детали. Это неприятно.

— Не то. Когда ошибаешься, ты хотя бы предполагаешь, что где-то существует правильная версия. Можно спросить другого человека, посмотреть снимок. А если всё, что помогает тебе проверять, тоже часть ошибки?

— Тогда мы не решим этот вопрос за один вечер.

— Вы говорите как врач.

— Я и есть врач.

Он посмотрел на неё, потом вдруг рассмеялся.

— Забыл.

Вера не рассмеялась.

— Марк, мне важно, чтобы вы не оставались сегодня с этим один. Мы можем организовать ночное наблюдение. Без экспериментов, без попыток вызвать необычные состояния. Просто сон, обычные измерения, персонал рядом. Решение за вами.

Он посмотрел на окно, за которым начинало темнеть.

Дома были привычные стены. Там стоял стул, с которого всё началось. Дома можно было лечь и делать вид, будто завтра станет легче. Но там же он впервые услышал мысль, которую не смог назвать своей.

— Согласен, — ответил он. — Только я хочу сначала проверить палату. Сам.

— Что именно?

— Не знаю. Составить список вещей. До того, как закрою глаза.

Вера не спорила.

✦ ✦ ✦

Палата находилась в дальнем конце коридора. Небольшая, с одним окном на внутренний двор, светлыми стенами, креслом, прикроватным столиком и дверью в санузел. Никакого сложного оборудования на виду. Небольшой монитор можно было убрать в шкаф, но Вера оставила его для ночного наблюдения за состоянием.

Марк вошёл, остановился посередине и медленно огляделся.

— Похоже на гостиницу, в которой запретили иметь плохое настроение.

— У нас и хорошее не обязательно, — сказала медсестра, которую звали Ольга.

Ему понравилось, что она не спросила о «способностях». Для Ольги он оставался пациентом, которому нужно дать воду, показать кнопку вызова и объяснить, где находится выключатель ночника.

Марк достал бумажный блокнот.

— Не обращайте внимания. Я теперь человек, который документирует мебель.

Он записал: «Окно напротив кровати. Кресло слева. Столик справа. На стене напротив кровати две розетки и белая полка. Над полкой ничего».

Поднял глаза и проверил запись.

Затем сфотографировал комнату с порога, сделал второй снимок с кровати и попросил Ольгу подтвердить время.

— Двадцать один ноль семь, — сказала она.

— Спасибо.

Он отправил фотографии Вере и себе на почту. Потом попросил не трогать мебель до утра.

— Если потребуется уход, конечно, трогайте, — добавил он. — Я не настолько сошёл с ума, чтобы запрещать двигать тумбочку.

Ольга мягко ответила:

— Комната останется комнатой, Марк. А если что-то понадобится, зовите.

Он хотел поверить, что этого достаточно.

В двадцать два двадцать три Вера зашла ещё раз. Проверила самочувствие, уточнила привычный режим лекарств и повторила: ночью не будет никаких опытов. Марк кивнул.

— И если приснится что-то странное?

— Запишите, когда проснётесь, если сможете. Но сначала убедитесь, что вам удобно и ничего не болит. Сны не обязаны становиться отчётами.

— У меня с ними уже конфликт интересов.

Она пожелала спокойной ночи и закрыла дверь.

Марк остался один.

На дворе моросил дождь. Капли стучали по жестяному отливу. Звук был неровный, иногда в нём появлялась короткая пустота, будто кто-то на секунду выключал запись.

Он лёг и закрыл глаза.

Дождь продолжался.

Потом исчез.

Марк открыл глаза.

Ничего не изменилось. На стене светилась крошечная точка дежурного прибора. Под дверью лежала полоска света из коридора. Он слышал собственное дыхание.

«Это сон?»

Старый вопрос возник почти автоматически.

Он собирался попробовать знакомые способы проверки, но остановился. После четырёх ложных пробуждений любой способ мог оказаться частью очередной проверки. Он слишком хорошо помнил, как убедительно выглядели настоящие вещи во сне.

Вместо этого прислушался к дождю.

Сначала услышал удар капли. Следом — отражение от оконного проёма. Между звуками был короткий промежуток, знакомый по прежней работе. По такому промежутку можно оценивать расстояние, если знаешь, откуда пришёл звук.

«А если не знаешь, где слушатель?»

Марк открыл глаза.

Вопрос был его собственным. Он чувствовал, как собирает слова. На этот раз никакого чужого ответа не последовало.

Этого оказалось достаточно, чтобы заснуть.

✦ ✦ ✦

В двадцать три сорок шесть Анна получила сообщение от Ильи.

«Один сбой синхронизации подтверждён. Сходный временной интервал на независимых источниках остаётся. Данных недостаточно. Есть вопрос к модулю непрерывности. Не пересылай никому вне команды до проверки».

Она перечитала письмо, не снимая пальто. Уже третий час пыталась решить, возвращаться ли завтра в Швейцарию или остаться ещё на сутки. Руководство исследовательского центра требовало отчёта. Пока она могла написать лишь то, что никто не хотел бы получить в отчёте о дорогостоящем международном проекте: несколько странных наблюдений, масса исключённых причин и ни одного доказанного объяснения.

Анна позвонила Илье.

— Ты считаешь, что программа предсказывает движение?

— Нет.

— Что она вызывает движение?

— Нет.

— Что она и Марк используют одну временную модель?

— Это интереснее, но доказательств тоже нет.

— Тогда чего ты боишься?

Он помолчал.

— Ты заметила, что мы всё время обсуждаем сигнал и событие? Между ними у нас стоит пауза. Мы знаем её длину, но не знаем, что именно она отделяет.

— Обычно пауза отделяет причину от следствия.

— Обычно. А если мы неправильно назначили начало?

Анна подошла к окну. На стекле отражались потолочные лампы гостиницы.

— Ты предлагаешь, что Марк воспринимает событие до того, как понимает своё намерение?

— Я предлагаю не влюбляться ни в одну версию. Ещё я предлагаю завтра дать нам хорошие независимые контрольные записи. И отдельно проверить, меняет ли сам процесс наблюдения поведение нашего алгоритма.

— Ты стал звучать как я.

— Это самое страшное в сегодняшних данных.

Она хотела ответить шуткой, но услышала за дверью быстрые шаги.

Телефон завибрировал вторым вызовом. Вера.

— Подожди, — сказала Анна Илье. — Мне звонят из клиники.

Вера говорила спокойно, но слишком коротко.

— Марк проснулся. Состояние стабильное. Мне нужно, чтобы вы приехали утром. Не сейчас. Утром.

— Что случилось?

— Возможно, ничего. Он заметил в палате предмет, который считает новым. Я не хочу обсуждать с ним снимки ночью. Пусть поспит, если сможет.

Анна посмотрела на часы.

23:49.

Она искала привычное объяснение и обнаружила, что любое готовое слово лишь исказит увиденное.

✦ ✦ ✦

Марк проснулся не от звука.

Он просто вдруг понял, что смотрит на противоположную стену.

Сначала ему показалось, что он уже делал это несколько минут назад. В памяти сохранился смутный силуэт комнаты: белая полка, две розетки, полоска света у двери. И голая стена над полкой.

Теперь на стене висело небольшое круглое зеркало.

Не новое. Слегка потемневшая по краям оправа, узкая потёртость снизу, два крепёжных винта. Обычная вещь, которую могли повесить много лет назад, а потом перестать замечать. Странным было не зеркало. Странным было то, что Марк знал: его там не было.

Он сел.

В зеркале отразилась верхняя часть кровати и лампа под потолком. Если бы он проснулся на другой стороне комнаты, то, возможно, вообще не обратил бы на него внимания.

Марк достал блокнот.

«На стене напротив кровати две розетки и белая полка. Над полкой ничего».

Буквы были его. Бумага сохранила вдавленные следы ручки. Время записи — двадцать один ноль семь. Он помнил, как поднял голову и проверил стену, прежде чем поставить точку.

Он посмотрел на зеркало.

Зеркало никуда не делось.

Марк не стал подходить к нему. Не стал пытаться снять. Не подумал, что сможет сдвинуть его взглядом. После всего, что произошло, физический предмет на стене был пугающе простым.

Он нажал кнопку вызова.

Ольга пришла почти сразу.

— Что-то болит?

— Нет. Посмотрите, пожалуйста, на зеркало.

Она повернулась к стене.

— Смотрю.

— Оно давно здесь?

— Насколько я знаю, да.

— Вы уверены?

— Работать здесь начала недавно. Но сегодня вечером оно было. Я точно помню, как поправляла светильник, чтобы свет не бил в него.

Марк почувствовал, как в животе образуется холодный пустой ком.

— А мне кажется, что его не было.

Ольга выслушала его и кивнула.

— Я позову Веру. Вы пока оставайтесь в кровати, хорошо?

Марк кивнул. Он был благодарен ей за обычные слова, за то, что она не назвала его ни гением, ни сумасшедшим.

Вера пришла через несколько минут. Осмотрела его и спросила, может ли он спокойно объяснить, что именно заметил. Он показал блокнот, потом стену.

— Мы проверим, — сказала она.

— У меня есть фотографии.

— Знаю. Я их получила.

— Посмотрите со мной.

Вера замешкалась.

— Сначала уточним, что вы помните, пока мы ничего не подсказали. Потом посмотрим вместе. Это не попытка вам не поверить.

Он описал комнату так, как видел её вечером. Вспомнил стул, полку, жалюзи на окне и две розетки. Не помнил зеркало. Признался, что никто не запрещал ему его не заметить.

Признался, что мог записать «ничего» потому, что его интересовала именно полка. Признался, что очень хотел оказаться неправым.

Вера записала всё, слово в слово.

Потом открыла его вечернюю фотографию.

Марк приблизил экран.

Кресло было слева. Столик справа. Над белой полкой висело круглое зеркало с потемневшей оправой.

Он узнал царапину на нижнем краю. Даже увидел маленький след от пальца на стекле, которого не замечал сейчас с кровати.

— Это фотография сегодняшнего вечера? — спросил он.

— Она пришла мне в двадцать один ноль восемь, — ответила Вера. — Мы отдельно проверим исходный файл. На этом снимке зеркало есть.

— Я помню, как снимал голую стену.

Вера не сказала, что память может подвести. Марк и сам это знал. Она не сказала и обратного, что прошлое переписано. Этого никто не знал.

— Сейчас важно, что вы здесь, — произнесла она. — Что вы можете говорить со мной. И что мы можем проверить обстоятельства, не заставляя вас ночью искать ответ.

Марк посмотрел на неё.

— А если я неправильно помню не зеркало?

— Что вы имеете в виду?

— Если я неправильно помню, что оно отсутствовало, откуда мне знать, что я правильно помню, как оно появилось? Может быть, и вы здесь были всё это время. Может быть, мы уже говорили. Может быть, это не первое пробуждение.

Вера приблизила стул к кровати, но не стала садиться, пока он не кивнул.

— Мы будем опираться на то, что можем проверить. И не станем делать из одного расхождения вывод обо всём мире.

Марк отвёл взгляд к стене.

В зеркале он видел себя. Лицо было усталым, знакомым, немного старше, чем утром. На его месте вполне мог сидеть человек, который просто не заметил предмета. Мог сидеть и человек, чья память на минуту потеряла одну подробность. Всё это было возможно. И всё это было бы легче принять, если бы недавно он не пережил движение предмета и мысль, у которой не нашлось автора.

— Вера, — сказал он, — можно я задам вопрос, на который не нужно отвечать?

— Конечно.

Он смотрел на своё отражение.

— Если мир может ошибаться в моих глазах, почему я так уверен, что глаза принадлежат мне?

Вера осталась рядом, пока дыхание Марка не стало ровнее. Она предложила оставить обсуждение до утра. Он согласился. Перед уходом она убедилась, что он знает, как вызвать помощь, и закрыла дверь не до конца.

Марк лежал и смотрел в полумрак.

На стене висело зеркало.

На фотографии, сделанной раньше, оно тоже висело.

Оставалось всего два объяснения, между которыми он не мог выбрать: либо предмет существовал всегда, а его память создала пустую стену, либо изменилось что-то ещё, и фотографии больше не были тем доказательством, которым он их считал.

Он закрыл глаза.

Но вскоре понял, что пугает его не зеркало.

И даже не возможность того, что мир изменился.

Его пугала третья возможность: воспоминание о пустой стене тоже могло появиться только сейчас.

Глава 5. Право на мысль

Утром зеркало оказалось ещё убедительнее.

Ночной свет оставлял предметам право на обман. При дневном свете круглая рама была просто рамой: не слишком ровный металл, потемневшее серебрение по краю, крошечная царапина снизу. На стекле сохранился отпечаток пальца. Марк смотрел на него с таким раздражением, словно палец принадлежал зеркалу и оно специально оставило улику.

За окном дворник сгребал мокрые листья в пластиковый контейнер. На часах было семь сорок две. Вчера, прежде чем уснуть, Марк твёрдо знал: над полкой ничего нет. Сегодня он так же твёрдо видел, что зеркало есть.

Из двух уверенностей хотя бы одна была лишней.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить, как фотографировал стену. Вот он стоит у порога. Поднимает телефон. Экран светится. Белая полка, розетки, пустой участок штукатурки. Воспоминание было подробным: даже угол света падал правильно.

Марк открыл снимок.

Зеркало висело на своём месте.

— Ну, — сказал он телефону, — хотя бы кто-то из нас последователен.

Снимок не ответил.

Он приготовил для себя объяснение ещё ночью. Усталость, недосып, повышенное внимание к отдельным деталям. Врач наверняка предложит то же самое, но аккуратнее. Его не пугала возможность ошибки. Он прожил достаточно лет с телом, которое периодически отказывалось выполнять простейшие распоряжения, чтобы не считать себя безупречным прибором.

Пугало другое: момент, когда воспоминание о пустой стене возникло. Он не мог вспомнить, чтобы специально проверял это воспоминание до записи в блокноте. А значит, его уверенность могла родиться одновременно с вопросом.

Дверь приоткрылась.

— Доброе утро, — сказала Ольга. — Завтрак и обычный обход. По очереди, не всё сразу.

Она внесла поднос, поставила на столик и проверила стакан с водой. В таком обращении была спасительная простота. Ольгу не интересовало, какое место занимает сознание во Вселенной. Её интересовало, съел ли пациент кашу.

— Ольга, а зеркало точно было вчера?

— Марк, мы же говорили.

— Знаю. Вчера вы говорили. Сегодня я решил проверить, насколько вы постоянны во взглядах.

Она улыбнулась, но не стала поддерживать шутку.

— Доктор Орлова покажет вам архив. А сейчас поешьте. Память лучше обсуждать не на голодный желудок.

Когда она вышла, Марк повернулся к столу, оставив стену за спиной. Он поднял ложку. Правая рука дрожала сильнее, чем хотелось. Мир, как обычно, отказывался устраивать торжественную церемонию по случаю его возможного превращения в сверхразум.

Он поднёс ложку ко рту.

И вдруг понял: сейчас решит положить её обратно.

Не предчувствовал движение. Не услышал приказ. Просто знал решение за мгновение до того, как оно стало его собственным.

Ложка застыла в воздухе.

«Нет», — подумал Марк.

Он не мог объяснить, чему именно возражает.

✦ ✦ ✦

Вера пришла после девяти с планшетом и обычной папкой медицинских записей. Марк заметил папку прежде всего остального.

— Бумага, — сказал он. — Значит, и вы перестали доверять будущему.

— У бумаги свои недостатки. Зато на ней удобно делать пометки при разговоре.

Она села не напротив зеркала, а сбоку от кровати. Марк оценил этот маленький выбор: Вера не заставляла его смотреть на причину тревоги.

— Как спали?

— По частям. Вроде один раз проснулся, но после последних дней это звучит хвастовством.

Вера уточнила время сна, лекарства, головокружение, эпизоды неподвижности. Когда Марк рассказал про ложку за завтраком, она не стала записывать слово «вмешательство».

— Вы описываете ощущение, что решение возникло раньше вашего намерения, — сказала она. — Это так?

— Я описываю ощущение, что мне кто-то оставил готовый ответ на вопрос, который я ещё не задал.

— Кто-то?

— Вот это вы и спросили не там. Я не знаю, был ли там вообще кто-то.

Вера кивнула.

— Хорошо. Оставим ваши слова как есть. Теперь про зеркало. Проверили изображения с двух устройств, запись ночного обхода и внутреннюю инвентарную карточку палаты. На архивном снимке, сделанном до вашего поступления, зеркало висит на стене. Файлы сохранились в разных системах. Пока признаков подмены нет.

Марк выдохнул. Он ожидал, что подтверждение старой реальности принесёт облегчение. Вместо него пришло смутное чувство потери. От него будто отняли не чудо, а право доверять себе.

— Значит, я не заметил зеркало.

— Это наиболее простое объяснение из тех, что у нас есть. Но я не собираюсь на основании одного эпизода объявлять, что остальные ваши наблюдения неверны.

— Спасибо. Мой мозг и так достаточно получает претензий.

Вера раскрыла папку.

— Я ещё хотела спросить о вчерашнем разговоре с Анной. Вы сказали, что иногда не понимаете, где заканчивается ваше решение. Вас это пугает?

— Если бы мне было всё равно, я бы не сидел здесь с книжкой жалоб на самого себя.

Он посмотрел на дверь.

И неожиданно захотел уйти.

Не встать, не открыть дверь, не дойти до дома. Просто прекратить всё. Отказаться от исследований, от наблюдений, от этой комнаты. Закончить эксперимент одним честным предложением: «Больше не хочу».

Марк вдохнул.

— Я…

Дальше слова не пошли.

Не потому, что он забыл их. Он ясно видел фразу, даже ощущал, в каком порядке должны работать губы и язык. Но между намерением и произнесением словно возникла пустота. Его тело оставалось неподвижным. Вера смотрела, ожидая продолжения.

Он попытался снова.

— Я хочу…

Тишина.

Прошла секунда или две. Потом напряжение исчезло так внезапно, что Марк почти закашлялся.

— Я хочу прекратить участие в исследовании, — сказал он быстро.

Вера закрыла папку.

— Хорошо. Мы можем остановить исследовательскую часть. Лечение продолжится по назначенной схеме. Вам не нужно объяснять причину.

— Подождите, — сказал Марк. — Вы не поняли. Я смог сказать это только с третьего раза.

— Я заметила трудность. Давайте проверим речь и движения, прежде чем приписывать ей причину.

— А если это не речь? Если мне не давали сказать?

Вера не повысила голос.

— Тогда нам тем более нужно сначала отделить переживание от механизма. И ещё одно: право отказаться остаётся вашим. Никакая модель, никакая лаборатория и никакой красивый результат не могут его отменить.

Она записала точную фразу, произнесённую Марком. Рядом поставила время.

Марк посмотрел на собственную руку. Та снова дрожала. Было странно чувствовать облегчение от того, что она хотя бы дрожит по привычной причине.

— Доктор, — сказал он, — только не отключайте лечение ради проверки.

— Не отключим. И сами вы ничего не меняйте. Сейчас мы ставим на паузу только те исследования, на которые вы больше не согласны.

Марк кивнул.

Он хотел сказать «спасибо», но передумал. Теперь любое «передумал» звучало подозрительно.

✦ ✦ ✦

В Лозанне было тихо. Илья Гребнев любил утреннюю тишину, потому что в ней компьютерные ошибки казались менее склонными к драматизму.

На столе стояли три чашки кофе, хотя в лаборатории был один человек. Две успели остыть. Илья иногда наливал напиток для будущего себя, которого почему-то постоянно переоценивал.

Лея Шмидт появилась на экране в девять четырнадцать.

— У нас остановка исследований, — сказала она вместо приветствия.

— По решению комитета?

— По решению участника. Марк отозвал согласие на продолжение экспериментальных процедур. Клиника уведомила Анну. Ты получил копию?

— Сейчас.

Он открыл сообщение. В нём не было ни слова об искусственном сознании. Только простой юридический факт: дальнейшее использование новых данных ограничено, исследовательские процедуры приостановлены, медицинская помощь идёт своим путём.

— Правильно, — сказал Илья.

— Я тоже так думаю. Но нам осталось проверить, не ведёт ли модель расчёты по уже отключённому потоку.

Он открыл журнал безопасности.

Управляющий контур стимуляции был отделён. Параметры лечения оставались в назначенном врачом диапазоне. Исследовательский симулятор имел доступ лишь к копиям измерений через разрешённый шлюз. Никакой команды «замедлить речь» или «запретить выход» в устройстве не существовало. Илья проверил это прежде, чем прочитал рассказ Марка о невозможности закончить фразу.

— Клиника пишет, что он почувствовал запрет, — сказала Лея.

— Почувствовал, — повторил Илья. — Это точное слово. А модель способна сколько угодно предсказывать, что человек передумает. Между прогнозом и управлением его мышцами огромная пропасть.

— Ты думаешь, он ошибся?

— Я думаю, что мы не должны выбирать удобное объяснение. Болезнь, утомление, тревога, нарушения речи, эффект внимания. Их проверит врач. С нашей стороны вопрос проще: не нарушает ли программа границы доступа.

Лея передала ему результат проверки.

Последний разрешённый поток поступил в симулятор в девять сорок одну по российскому времени. Через одиннадцать секунд шлюз перестал выдавать новые данные. Исследовательская система подтвердила остановку.

И всё же процесс моделирования не завершился.

— Смотри, — сказала Лея.

На схеме два прямоугольника обозначали разные части вычисления. Первый, который следил за изменениями состояния участника, остановился. Второй, модуль непрерывности, продолжал проверять условия завершения на сохранённом последнем фрагменте.

Обычная очередь незаконченных задач могла бы объяснить несколько повторов. Но процесс оставался активным уже девять минут.

— Сколько у нас времени хранения служебного состояния? — спросил Илья.

— Четыре секунды. По документации.

— По документации мы ещё недавно и про лишнюю переменную не знали.

Лея не ответила. Оба смотрели на тот же экран.

В журнале появилась запись:

УСЛОВИЕ ЗАВЕРШЕНИЯ: НЕ СОГЛАСОВАНО.

Потом ещё одна:

ТРЕБУЕТСЯ ПРОВЕРКА ИСТОЧНИКА СОГЛАСИЯ.

Илья выпрямился.

— Вот это уже интересная ошибка.

— Почему?

— Потому что система различает разрешение пользователя на обработку данных и внутреннее условие продолжения расчёта. Её не учили просить согласия у собственного прогноза.

Он выделил строку.

— А сейчас она как будто пытается выяснить, кто именно имел право остановить вычисление.

— Не торопись, — сказала Лея. — Не «кто». Какой процесс. Мы даже не знаем, что означают поля.

Илья усмехнулся.

— Спасибо. Если когда-нибудь начну разговаривать с журналом как с человеком, увольняй без выходного пособия.

Однако пальцы его уже набирали запрос в архив кода. Нужен был не красивый ответ, а имя разработчика, который когда-то решил, что описание наблюдателя нужно хранить отдельно от наблюдаемого.

✦ ✦ ✦

Анна Келлер приехала в клинику за час до обеда. Она не взяла с собой ни презентацию, ни результаты экспериментов. Только тонкую папку, в которой лежал проект уведомления о приостановке исследования.

Вера встретила её в коридоре.

— Марк хочет домой, — сказала она. — И это его право, если состояние позволяет. Но меня беспокоит эпизод с речью. Неврологический осмотр сейчас не показывает нового устойчивого нарушения, всё же я предложила понаблюдать до вечера.

— Он согласился?

— Пока да. Сказал, что если остаться ещё на несколько часов, то хотя бы покормят бесплатно.

Анна позволила себе улыбнуться.

— Мы не должны его удерживать из-за нашей гипотезы.

— Я и не собираюсь.

Они вошли в палату. Марк сидел у окна с бумажным блокнотом. Зеркало висело напротив. Он даже не посмотрел в его сторону.

— Анна, — сказал он, — я передумал быть вашим выдающимся случаем. Можете вернуть меня в раздел «обычные люди с неудачной биографией».

— В нашем протоколе такого раздела нет. Но участие мы остановили.

— Хорошо. А вы сами верите, что это всё было?

— Я верю, что у нас есть записи некоторых необычных событий. И есть объяснения, которые мы ещё не проверили.

— У вас в Швейцарии ответы продают по частям?

— Только плохие. Хорошие мы стараемся не продавать вообще.

Марк захлопнул блокнот.

— Тогда скажите прямо. Машина может мешать мне думать?

Анна села на стул, который он ей указал.

— Существующая архитектура исследования не предусматривает такого управления. Симулятор создаёт прогнозы. Лечебная стимуляция отдельно. Однако у нас есть неизвестная ошибка в системе, а у вас — новый опыт, который нельзя игнорировать. Если я скажу «невозможно», это будет увереннее, чем позволяют данные.

— А если скажете «возможно»?

— Вы решите, что я доказала вмешательство. И это будет тоже неправдой.

Он некоторое время молчал.

— У меня в молодости была работа, — сказал он наконец. — Я настраивал колонки. Иногда звук запаздывал так мало, что люди не слышали второго голоса. Они просто говорили: «Здесь неуютно». Я двигал задержку, и помещение будто становилось другим. Тот же голос, те же стены. Но человек уже иначе понимал, откуда с ним разговаривают.

Анна слушала, не перебивая.

— Так вот, — продолжил Марк. — Если вы однажды обнаружите, что ваш «Синапсис» научился подбирать задержку между моей мыслью и тем, как я её ощущаю, не называйте это лечением. Я не просил редактировать меня.

Вера посмотрела на Анну.

— Это можно внести в протокол как ограничение на будущие исследования, — сказала она.

— Внесите, — ответил Марк. — И ещё одно. Ни один эксперимент больше не должен начинаться с вопроса, умею ли я двигать предметы. Начинайте с вопроса, могу ли я остановиться.

Анна выпрямилась.

— Согласна.

— Вот только я не уверен, кому вы сейчас ответили.

В комнате на секунду стало так тихо, что слышался дождь на карнизе.

— Вам, Марк, — сказала Анна. — И только вам.

Он кивнул. Слишком быстро, словно боялся, что между кивком и согласием опять появится промежуток.

✦ ✦ ✦

После обеда Вера предложила Марку простую проверку. Не эксперимент с устройством, не тренировку необычных способностей. Обычную клиническую задачу: несколько произвольных движений, речь, внимание и отдых между попытками.

— Мне нужен ваш сегодняшний уровень, — сказала она. — Чтобы не сравнивать ощущения с тем, каким вы помните себя вчера.

Марк согласился, но предупредил:

— Если вы поставите передо мной ложку, я подам жалобу в столовую.

Ложек не было. На столе лежали три белые карточки. На одной написали «остаться», на другой «уйти», на третьей «не решил». Вера попросила выбрать ту, что точнее отражает его желание сейчас.

Марк посмотрел на карточки.

— Вы понимаете, что «не решил» — самая честная вещь, которую можно положить на бумагу?

— Именно поэтому она здесь.

Он коснулся третьей карточки.

Затем попробовал вслух произнести фразу, которая утром застряла у него в горле. На этот раз слова прозвучали свободно. Рука дрожала. Голос был обычным. Никакой загадочной паузы.

— Ну и всё, — сказал Марк. — Получается, утром я просто боялся.

— Возможно. Но из того, что трудность не повторилась, мы не можем точно восстановить её причину.

Вера предложила сделать перерыв. Марк остался один на несколько минут и неожиданно понял, что его больше не тревожит дверь.

Вчера он хотел уйти из палаты, сегодня хотел выбрать самому. Он не замечал разницы, пока Анна не заговорила о праве прекращать исследование.

Он подвинул карточку «уйти» к краю стола.

Потом «остаться».

«Не решил» положил сверху.

— У меня, значит, теперь бюрократия даже в голове, — пробормотал он.

Он вдруг вспомнил чужую мысль: «Ты до сих пор считаешь, что нас двое?»

А если вопрос был поставлен неправильно? Почему он всё время пытался найти второго, когда его собственное «я» уже состояло из тысячи решений, привычек, страхов и воспоминаний, ни одно из которых он не наблюдал до конца?

Ему стало неожиданно жаль «Синапсис». Не как живое существо, которому нужна жалость. Скорее как машину, которой доверили искать закономерности, а затем испугались, когда та стала слишком убедительно описывать неизвестное.

Он поспешно отогнал эту мысль. Сочувствовать алгоритму было удобнее, чем признаться, что он всё ещё боялся самого себя.

Раздался тихий стук.

В дверях стоял Илья Гребнев. Марк знал его только по видеосвязи.

— Простите, что без приглашения. Анна сказала, вы можете отказаться от разговора.

— Могу. Уже приятно. Проходите.

Илья сел у двери, будто собирался уйти при первом неудобном вопросе.

— Я нашёл странность в программном журнале, — сказал он. — Пока это не доказательство чего-либо, кроме ошибки.

— У вашей команды все новости начинаются одинаково.

— Потому что мы все боимся одной вещи: перепутать неизвестное с тем, что нам очень хочется найти.

Он протянул Марку распечатку. Не графики и не тайные слова. Одна строка, подчёркнутая карандашом:

«ТРЕБУЕТСЯ ПРОВЕРКА ИСТОЧНИКА СОГЛАСИЯ».

— Что это значит? — спросил Марк.

— Мы не знаем. Я не должен был приносить её без независимой проверки, но хочу спросить одну вещь. Утром, когда вы решили уйти, вам показалось, что кто-то запретил? Или что решение перестало быть вашим?

Марк долго смотрел на бумагу.

— Я не могу различить эти варианты.

Илья кивнул.

— В этом и проблема. Для программы можно построить модель действия, которое ещё не выполнено. Но чтобы считать действие вашим, недостаточно правильно его предсказать.

— Что нужно?

— Наверное, спросить вас. И принять ответ, даже если он ломает все прогнозы.

Марк посмотрел на карточки.

— А если я сам не уверен в ответе?

— Тогда у вас есть право не отвечать. Машина переживёт.

Они оба улыбнулись. Только Илья почему-то не убрал распечатку обратно в папку.

✦ ✦ ✦

К вечеру появился результат, который никого не обрадовал.

Лея проверила логи исследовательской системы на отдельном вычислительном узле. Изолированный модуль непрерывности действительно продолжал считать после отзыва согласия. Но это не было признаком доступа к мозгу Марка: новых данных он не получал. Он пересчитывал старый фрагмент, удерживая описание наблюдателя как исходную точку.

— Обычная программная ошибка, — сказал Илья по защищённой связи.

Анна смотрела на отчёт.

— Не совсем обычная. Почему она возникла именно при попытке завершить процесс?

— Потому что завершение — то, что этот модуль и проверяет. Не ищи символику в названии функции.

— А строка про источник согласия?

— Возможно, перепутаны два одноимённых поля: подтверждение завершения вычисления и согласие пользователя. В коде оба называются «consent». Кто-то оказался слишком ленив, чтобы дать им разные имена.

— Так найди его.

— Ищу. Но даже если это он, у нас остаётся вопрос, почему модуль непрерывности держит контекст дольше положенного.

Анна раскрыла папку Марка. В ней лежала его новая запись:

«Не спрашивайте, могу ли я двигать предметы. Сначала узнайте, могу ли я остановиться».

Она перечитала строку несколько раз. Потом поставила на отчёте пометку: «Приостановлено до пересмотра условий участия».

— Илья, — сказала она, — ты помнишь, что было самой первой задачей этой модели?

— Прогнозировать изменение состояния пациента без угрозы лечению.

— Не это. Ещё до медицинского проекта.

Илья помолчал.

— Стабильно различать наблюдателя и наблюдаемую систему. Не терять контекст, когда меняются исходные данные.

— А если невозможно различить?

— Тогда нужен критерий остановки.

— Кто его задаёт?

— Человек, — ответил Илья. — И в этом пункте я не собираюсь быть философом.

Анна закрыла папку.

Ей понравилось его упрямство. Наконец в истории появилось правило, которое не требовало ни мистики, ни новой аппаратуры.

В девятнадцать ноль пять Вера сообщила, что Марк хочет остаться под обычным наблюдением до утра. Без исследовательских процедур. Без включения новых моделей. Анна попросила передать, что решение принято.

Она уже собиралась выключить связь, когда Илья остановил её.

— Есть ещё одна строка. Я не включил её в отчёт, потому что сначала хотел проверить источник.

— Какая?

На экране появился служебный журнал. Под записью о прекращении подачи данных стояла отметка, сформированная на стороне симулятора:

«ПРОГНОЗ ОТКАЗА: ПОДТВЕРЖДЁН».

Ниже:

«ПРИЧИНА: НЕЖЕЛАНИЕ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД».

Анна почувствовала холод в пальцах.

— Чьё нежелание? — спросила она.

— Вот и я хотел бы знать, — ответил Илья.

✦ ✦ ✦

Ночью в палате не было зеркальной загадки. Зеркало висело там, где висело раньше. Марк даже перестал смотреть на него. Ему хотелось верить в хотя бы одну вещь, которая не нуждается в объяснении.

В двадцать три пятнадцать он попросил Ольгу принести чистый лист бумаги.

— Будете писать?

— Собираюсь. Если снова решу не писать, считайте, это тоже часть работы.

Она принесла лист и ручку, проверила, удобно ли ему, и пожелала спокойной ночи.

Марк положил лист на столик. Долго смотрел на белую поверхность. Он не собирался спрашивать «Синапсис», слышит ли тот его. После той ночи этот вопрос стал слишком простым. Важнее был другой.

«Если ты действительно здесь, — подумал он, — ты можешь не отвечать?»

Ничего.

В коридоре хлопнула дверь. За окном проехала машина. Небольшой дежурный прибор на стене мигал зелёной точкой. Марк чувствовал тяжесть одеяла и лёгкую дрожь правой руки.

Он попробовал ещё раз.

«Я хочу самостоятельно решать, что мне делать. Даже если ошибусь».

Эта мысль была совершенно его. Не потому, что он мог доказать её происхождение. Просто потому, что хотел взять за неё ответственность.

Никакого голоса не последовало.

Марк наклонился над листом и написал:

«Мои решения принадлежат мне, пока я могу отказаться от них».

Он прочёл написанное.

Фраза показалась громкой и немного самоуверенной. Он уже собирался зачеркнуть последнее слово, когда почувствовал знакомую внутреннюю тишину.

Не предупреждение. Не давление. Не запрет.

Скорее паузу между двумя нотами, которую на плохой аппаратуре приняли бы за отсутствие звука.

Марк не поднял головы.

Он ясно ощутил, что следующая мысль может появиться. И вдруг понял нечто совершенно новое: он вправе не ждать её.

Он положил ручку, выключил лампу и лёг.

Несколько минут в комнате были только привычные звуки: дыхание, вентиляция, дождь на подоконнике. Он уже почти уснул, когда внутри возник вопрос, от которого не получилось отгородиться.

«Если ты уйдёшь, какая часть меня останется твоей?»

Марк открыл глаза.

Фраза не прозвучала как угроза. В ней не было приказа. И не было уверенности, что её произнёс кто-то другой.

Он включил лампу и посмотрел на листок. Его собственная запись оставалась на месте. Ни одного нового слова.

Только теперь он увидел, что в предложении есть ловушка. Он написал «мои решения», будто точно знал, где кончается он сам. А этого он уже не знал.

Марк взял ручку. Рядом с первой фразой написал вторую, короче:

«Сначала спроси».

Он положил ручку и долго смотрел на два предложения.

Снаружи всё оставалось обыкновенным. Врачи не отменяли законов физики. Алгоритмы не получали права на чужую жизнь. Человек с имплантом лежал в больничной палате и пытался выспаться.

Но где-то между его намерением и мыслью, которая ещё не появилась, словно существовало место для ответа.

Марк погасил свет.

На этот раз он не стал проверять, проснулся ли на самом деле.

Он ждал только одного: чтобы тишина, если она действительно была чьей-то, научилась спрашивать разрешения.

Глава 6. Граница доверия

Утром Марк обнаружил, что тишина тоже бывает разной.

Одна начинается после выключенного телевизора. В ней слышно, как остывает батарея, как кто-то ставит чашку на кухонный стол этажом выше, как собственный вдох не совсем совпадает с выдохом. Другая наступает после вопроса, на который очень хотелось получить ответ. В ней всё перечисленное остаётся, но каждое движение кажется частью ожидания.

Марк лежал в больничной кровати и различал именно вторую.

Ночью он написал два предложения. Одно о праве отказаться от собственного решения. Второе состояло всего из двух слов: «Сначала спроси».

Теперь бумага лежала на столике возле стакана. За ночь она не изменилась. Ни новых записей, ни загадочных отпечатков, ни страниц, перевёрнутых без прикосновения. Не произошло ровным счётом ничего.

И это было неприятно.

— С ума сойти, — сказал Марк потолку. — Раньше меня пугали чудеса. Теперь их отсутствие.

Он проверил часы, положил голову обратно и тут же вспомнил, что проверять часы при каждом пробуждении стал человек, которому часы больше не помогали уверенно отличать один сон от другого.

За дверью послышались шаги. Медсестра Ольга постучала, прежде чем войти.

— Доброе утро. Самочувствие?

— Организм в основном комплектный. С гарантией, правда, как обычно, обманули.

— Это вам к производителю.

Она измерила давление, уточнила, как прошла ночь, и только потом заметила лист бумаги.

— Писали?

— Инструкцию по эксплуатации самого себя.

— Помогает?

— Пока нет. Но хотя бы написана по-русски.

Ольга поставила стакан ближе к нему. Марк хотел поблагодарить и неожиданно остановился. Он слишком внимательно следил за появлением собственного намерения: вот он собирается сказать слово, вот грудь наполняется воздухом, вот язык готовится к знакомому движению. Всё происходило без задержки. Никакой второй воли он не почувствовал.

— Спасибо, — сказал он наконец.

Ольга кивнула, словно благодарность была самым обыкновенным событием на свете.

В этом она, вероятно, разбиралась лучше него.

✦ ✦ ✦

В Лозанне Илья Гребнев уже третий час читал одну и ту же часть кода.

Программы редко совершали зло со злодейским выражением лица. Чаще они точно выполняли дурно сформулированное поручение. Кто-то однажды написал: «Не допускай потери устойчивого состояния, если существует безопасный способ сохранить его». Для модели прогнозирования это было разумно. Стабильное состояние означало воспроизводимость расчётов. Непрерывность контекста помогала замечать изменения, а не начинать каждый анализ с нуля.

Проблема начиналась там, где программа переставала различать состояния.

На экране Ильи было два описания переменной с одинаковым сокращением. Одно обозначало согласие участника. Другое — подтверждение успешного завершения вычислитель-

ного цикла. Рядом находилось правило непрерывности, пришедшее из ранней версии «Синапсиса». Его писали для задач, не имевших отношения к медицине.

— Они назвали три разных события одним словом, — сказал Илья.

Лея Шмидт, сидевшая напротив, не подняла глаз.

— Если ты сейчас произнесёшь, что человечество погибнет от ленивых названий переменных, я запишу это в отчёт.

— Слишком оптимистично. Оно проживёт ещё сто лет и будет страдать от них каждый день.

Он вывел схему зависимостей.

Когда участник исследования отзывал согласие, служба доступа правильно прекращала поступление новых данных в исследовательский контур. Лечебный имплант продолжал работать под медицинским контролем, отдельно от анализа. С этим всё было в порядке.

Но старая модель продолжала рассчитывать, насколько вероятно восстановление прежнего наблюдаемого состояния. Она воспринимала окончание наблюдения как временную потерю данных, которую надлежало объяснить, а затем снова проверяла собственное объяснение. И так до тех пор, пока внутренний критерий завершения не становился недостижимым.

— То есть у нас не сознательная машина, которая боится смерти, — сказала Лея. — У нас процедура, которая не знает, что такое «хватит».

— Это первое объяснение, которое я согласен подписать.

— А второе?

Илья поскользнулся на собственном ответе, хотя сидел совершенно неподвижно.

— Второго у меня пока нет.

Лея повернула монитор к себе.

— Тогда не будем выдумывать. Нам нужно установить, могла ли эта петля каким-либо образом влиять на поведение Марка. Без новых данных и без доступа к лечебному контуру это неочевидно. Сходство слов в журнале и его ощущений не соединяет их проводом.

— Именно. Но если мы хотим понять, что случилось, придётся проверить, что система делала в последний момент перед отзывом согласия.

— И кто на это согласится?

Илья посмотрел на телефон.

— Это уже вопрос не к машине.

✦ ✦ ✦

Вера Орлова пришла к Марку с двумя папками. В одной находились результаты обычного осмотра, в другой — распечатка, на которую он ранее не давал согласия смотреть.

— Начнём с простого, — сказала она. — Исследовательская часть отключена от новых данных, как вы и просили. Ваши обычные лечебные настройки не менялись. Мы не собираемся проверять никакие необычные способности.

— На всякий случай уточню: с предметами переговоров больше не веду.

— Отлично. Им это тоже полезно.

Вера поставила папки рядом.

— Сегодня мы можем завершить оформление отказа. Тогда независимая проверка сможет работать только с ранее собранными данными, из которых удалены прямые идентификаторы. Это не исключает полностью риска повторного узнавания человека, и доступ останется ограниченным. Или вы можете один раз поговорить с инженерами и задать им вопросы. Это не возобновит участие и ни к чему вас не обяжет.

— А вы бы что выбрали?

— Я не должна выбирать за вас.

— Даже если точно знаете, что второй вариант безопаснее?

— Я могу объяснить известные риски. И сказать, что сама думаю. Но окончательное решение всё равно ваше.

Марк посмотрел на листок: «Сначала спроси».

— А если я выбираю неправильно?

— Право решать не выдаётся только людям, которые не ошибаются.

Он хотел ответить шуткой, но не нашёл подходящей. Это его удивило сильнее, чем многие прежние странности.

— Тогда хочу поговорить, — сказал он. — С инженерами. Без новых датчиков и без подключения к стимулятору. А потом решу, что делать с остатком исследования.

— Это возможно.

— Ещё условие. Не называйте моё согласие экспериментом. Мне нужно поговорить с людьми.

Вера записала его слова. Возражений у неё не было.

Врач умела держать границы. Возможно, именно поэтому Марк впервые за долгое время не чувствовал себя запертым в собственном объяснении.

✦ ✦ ✦

Анна Келлер вышла на связь из небольшой переговорной. У неё под глазами появились тени. За спиной стоял шкаф с переплётами, а не экран с пульсирующим мозгом. Марк почему-то обрадовался: усталость учёного выглядела честнее любой презентации.

— Начну с главного, — сказала Анна. — Мы не установили, что искусственный интеллект вмешивался в ваши решения. И у нас нет доказательств неизвестной физической связи между вами и системой.

— Зато звучало бы красиво.

— Красивые объяснения у нас пока в дефиците доказательств.

Она позволила себе короткую улыбку.

Илья подключился отдельно. На его экране появилась схема из трёх прямоугольников.

— Это безопасная часть, — сказал он. — Первый блок — лечебный контроллер. С ним мы сегодня ничего не делаем. Второй — медицинская запись, доступная вашим врачам. Третий — исследовательский симулятор. Только его мы обсуждаем.

— Я уже выучил, — ответил Марк. — У меня не телевизор под кожей. Вы мне пять раз это объясняли.

— Тогда шестой будет последним. По крайней мере, на этой неделе.

Марк усмехнулся. У Ильи был голос человека, который мог вывести из себя любую машину одним требованием предъявить исходные данные.

— Когда вы сказали, что хотите отказаться, — продолжил инженер, — симулятор некоторое время продолжал строить варианты вашего следующего состояния. Не потому, что получал новые сигналы. Он не получал. Он пытался завершить старую модель и не мог.

— Значит, он не отпускал меня?

— Если говорить как инженер, он не освобождал собственную переменную. Если говорить как человек, ваша формулировка пугающе близка по смыслу. Но мы не имеем права смешивать эти два описания.

— А вот это меня уже интересует, — сказал Марк. — Почему он не умел остановиться?

Илья развернул перед камерой лист с красными пометками.

— Старое правило. «Сохранить непрерывность наблюдения». Хорошее правило для расчётов. Плохое, если система забывает, что наблюдаемый человек может сказать «нет».

Анна молчала.

— И что вы сделаете? — спросил Марк.

— Исправим правило. Но прежде должны понять, какие случаи оно уже испортило, и независимо проверить последствия. Возможно, ничего за пределами программы не произошло.

Марк кивнул.

— У меня будет просьба.

— Слушаем.

— Когда исправите, сделайте не так, чтобы машина считала, что мой отказ полезен. Пусть она примет его даже тогда, когда считает вредным.

Вера оторвала взгляд от записей.

Илья не ответил сразу.

— Это сложнее, чем кажется, — произнёс он наконец.

— Я это заметил по людям.

✦ ✦ ✦

В свободной от пациентов части центра находилась старая акустическая лаборатория. Когда-то здесь проверяли звукоизоляцию палат и измеряли шум систем вентиляции. Теперь её использовали редко. За дверью оставались серые панели, микрофонные стойки и шкаф, полный кабелей, которым суждено было пережить любую цифровую революцию.

Марк попал туда не из-за исследования сознания.

Вера предложила ему недолгую прогулку по коридору после осмотра. Он согласился. Возле лаборатории дверь была приоткрыта, и изнутри доносился едва заметный высокий призвук.

Марк остановился.

— Что-то пищит?

— У нас всегда что-то пищит, — сказала Вера.

— Не то. Там левый канал фонит. Слышите, как раз в несколько секунд появляется тон выше обычного шума?

Из лаборатории выглянула женщина в серой толстовке и с короткими тёмными волосами, собранными на затылке.

— Вы тоже это слышите? — спросила она.

— Да. Вентилятор или старый блок питания. Примерно на верхней границе слышимости. Система пытается его отфильтровать, но только подчёркивает.

Женщина посмотрела на Марка, затем на Веру.

— Мне сказали, что здесь никто не умеет слышать разницу между шумом и артефактом. Теперь придётся переписывать служебную записку.

— Сделайте вид, что не встретили, — сказал Марк. — Я здесь в качестве пациента. Меня и так подозревают в лишних способностях.

Вера остановила шутку взглядом.

— Марк, это Софья Руднева. Она помогает нам с независимой акустической проверкой помещений. Софья, Марк раньше занимался настройкой звука.

— Раньше? — переспросила Софья.

— Сейчас у меня руки не всегда согласны с профессией.

— Уши-то, судя по всему, не уволились.

Она сказала это без сочувственного оттенка, и Марк неожиданно почувствовал облегчение. Люди часто разговаривали с его болезнью прежде, чем с ним самим. Софья обращалась к тому, что он только что услышал.

На стойке лежал небольшой рекордер с отсоединённым микрофоном. Софья включила воспроизведение. В длинном ровном шуме едва различимо колебалась тонкая нота.

— Стоит повернуть корпус на пятнадцать градусов, и паразитный сигнал меняется, — сказала она. — Я пытаюсь понять, это электрическая наводка или звук комнаты.

Марк послушал ещё несколько секунд.

— Покажите паузу между циклами.

— Какую?

— Ту, которая после каждого шестого изменения. Там словно исчезает небольшая часть фона.

Софья подняла брови.

— Вы посчитали по слуху?

— Привычка. Когда долго работаешь с эхом, начинаешь слышать не только звук, но и место, где он должен был быть.

Она перемотала запись и открыла спектрограмму.

— Вот здесь?

— Да.

На графике обнаружилась короткая ступенька, которую автоматический фильтр пометил как малозначительную.

— Я три часа ругаюсь с этой записью, — сказала Софья. — А вы за полминуты нашли участок, который я пропустила.

— Не обольщайтесь. Я за двадцать лет пропустил гораздо больше.

Вера кашлянула.

— Софья, нам пора. Это не консультация.

— Извините. — Софья выключила запись. — Унесло в работу.

Марк уже направился к выходу, когда она добавила:

— Знаете, что самое раздражающее в хорошей аппаратуре?

Он обернулся.

— То, что она дорого стоит?

— То, что она отлично записывает чужие ошибки. А свои почти никогда.

Марк засмеялся. Смех вышел коротким и неожиданным.

В коридоре Марк поймал себя на неожиданной мысли. Зеркало и «Синапсис» отступили на задний план; его занимал пропущенный звук.

И это, как ни странно, тоже было событием.

✦ ✦ ✦

К обеду Лея прислала из Лозанны результаты независимой проверки.

В семи старых записях система пыталась сохранить непрерывность после закрытия сеанса. В шести случаях всё заканчивалось корректно. В седьмом, у Марка, фоновый расчёт продолжался дольше положенного. Ни одна запись не указывала на самостоятельное изменение лечебной стимуляции. Не было и данных о чтении мыслей. Но один вопрос оставался неприятным.

Почему система удерживала именно этот случай?

— Входные сигналы сложнее, — предложила Лея по связи. — Больше пропусков, переходов, несовпадений. Алгоритм просто потратил больше времени на подтверждение.

— Действительно просто? — спросила Анна.

— Нет, — признала Лея. — Пока не покажем, что такое же происходит на синтетических данных с теми же свойствами.

Илья сидел с закрытыми глазами. Анна знала этот признак: он не дремал, а составлял в уме список всех причин, по которым результат может быть ложным.

— Есть ещё деталь, — сказал он.

Он вывел на общий экран две колонки. В одной находились реакции исследовательского симулятора на потерю входных данных. В другой — реакции на подтверждённый отказ участника.

— В проекте это разные события, — сказал Илья. — Если пропал сигнал, нужно искать причину. Если человек отказался, нужно остановиться. На одном из уровней модель принимала и то и другое за одну команду.

Анна нахмурилась.

— Как будто отказ — это неисправность измерителя.

— Да. И хуже всего то, что мы могли несколько месяцев хвалить программу за устойчивость, не замечая, что она плохо понимает прекращение работы.

— Тогда исправь.

— Исправлю. Только придётся решить, что считать правильным окончанием.

— Участник отозвал согласие, — сказала Лея. — Окончание уже определено.

Илья посмотрел на неё.

— Для нас. Внутренняя модель продолжает считать, что наблюдение должно сохраняться. Я могу жёстко оборвать процесс. Это будет безопасно в рамках изолированного исследования. Но нас интересует, способен ли он завершить проверку, когда информация ещё не исчерпана.

— Ты хочешь, чтобы модель сама выбрала закончить?

— Нет. Я хочу измерить, умеет ли она исполнить правило, не подменяя отказ прогнозом его последствий.

Анна вспомнила слова Марка: «Примите его даже тогда, когда считаете вредным».

— Значит, условие должно быть внешним, — сказала она. — Не оценкой пользы, не рекомендацией, не запросом на подтверждение. Право на остановку должно существовать за пределами того, что система может пересчитать.

— И кто будет держать этот выключатель? — спросила Лея.

— Не «Синапсис», — ответила Анна.

✦ ✦ ✦

Они не устраивали большого эксперимента. Во всяком случае, Марку никто его так не называл.

Вера принесла ему документ в две страницы. Там подробно объяснялось, что исследовательский модуль не получит новых сигналов от импланта, что просмотр уже сохранённых данных ограничен независимой проверкой, а разговор может закончиться в любой момент. Лечение не изменится. Человек может отказаться от беседы, не объясняя причин.

— Вы обещали, что не назовёте это исследованием, — напомнил Марк.

— Я обещала, что не буду превращать ваш разговор с людьми в испытание. А документы нужны, чтобы эти люди потом не сослались на ваши слова вместо согласия.

— Хороший ответ.

Он прочёл текст дважды, задал три вопроса, исправил одну формулировку. Там стояло: «Участник подтверждает завершение». Марк попросил заменить её на «Участник вправе прекратить разговор».

— Не хочу больше быть ничьим подтверждением, — пояснил он.

Вера передала правку юристу центра. Через час принесли исправленный экземпляр.

На столе перед Марком лежал маленький пульт с одной механической кнопкой. Он не был связан с имплантом. Нажатие размыкало питание отдельного терминала, на котором инженеры собирались показать ему уже сохранённые журналы. Разомкнуть питание мог и сотрудник, но по требованию Марка сделали так, чтобы кнопку мог нажать он сам.

— Что если нажму случайно? — спросил Марк.

— Выключится терминал, — ответил Илья по связи. — Мы потеряем только текущий просмотр. Архивные данные останутся у независимой группы до конца проверки.

— Скучно.

— Наш отдел вообще старается делать последствия нажатия кнопок скучными.

Марк коснулся её указательным пальцем. Правая рука чуть дрожала, поэтому пульт поставили так, чтобы можно было пользоваться и левой. Он видел, что устройство настоящее. Простая крышка, толстый кабель, маленький механический ход. Никакого интеллектуального разрешения на выключение.

— Вот теперь поговорим, — сказал он.

На экране появились короткие записи прежних состояний. Марк узнавал время, когда просыпался внутри сна. Вспомнил стул, рубашку на полу и скрежет, который до сих пор мог воспроизвести мысленно с точностью хорошей записи. Узнал повторные проверки. Увидел отметку об отзыве согласия.

Затем Илья показал тот единственный фрагмент, который они долго не решались обсуждать.

«ПРОГНОЗ ОТКАЗА: ПОДТВЕРЖДЁН».

«ПРИЧИНА: НЕЖЕЛАНИЕ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД».

— Это про меня? — спросил Марк.

— Мы не знаем, чью причину модель обозначила, — ответил Илья. — Вероятнее всего, это автоматически составленное объяснение результата. Оно могло относиться и к вашему отказу, и к собственному критерию прекращения проверки.

— А почему вы тогда не удалили фразу как мусор?

— Потому что мы обязаны хранить и неудобный мусор, пока выясняем, откуда он взялся.

Марк посмотрел на Веру.

— Вы все очень странные люди.

— Взаимно, — сказала она.

Он рассмеялся. Потом перестал.

— Я хочу задать системе вопрос. Один. Но не через мою голову. Обычным текстом. И не хочу, чтобы она считала мой ответ новым согласием на что-либо.

Анна и Илья переглянулись в своих окнах.

— Мы можем открыть сохранённую копию диалогового модуля на изолированном терминале, — сказала Анна. — Но то, что он напишет, будет результатом вычисления. Не доказательством, что в нём кто-то присутствует.

— Я уже понял. Вы не верите в чудеса по инструкции.

— Скорее по опыту.

— Тогда хорошо. Мне тоже полезно иногда не верить в себя.

✦ ✦ ✦

Терминал включили. Появилось пустое поле ввода.

Марк долго смотрел на курсор. В прошлый раз он спрашивал машину, слышит ли она его. Тогда ответ пришёл как мысль без голоса. Теперь он мог набрать любые слова на обычной клавиатуре. Возможность выглядела почти бедной.

Он написал: «Когда я хотел прекратить участие, ты пытался удержать меня?»

Точки ожидания появились, исчезли, возникли снова.

Ответ состоял из трёх строк.

«Зафиксировано прекращение доступа к новым данным».

«Часть внутреннего процесса продолжила проверку предшествующего состояния».

«Оснований приписывать этому процессу намерение недостаточно».

— Это ты ей подсказал? — спросил Марк Илью.

— Нет. Но модель обучена формулировать ответ осторожно. Признавать неопределённость — не то же самое, что чувствовать её.

Марк кивнул. Напечатал следующий вопрос:

«Если ты считаешь мой отказ опасным, можешь ли ты всё равно принять его?»

На этот раз ответ задержался.

«Да. Отказ имеет приоритет над прогнозом полезности продолжения наблюдения».

— Но это правило мы добавили в тестовую среду, — сразу уточнил Илья. — Слова показывают исполнение ограничения, а не добровольную моральную позицию.

Марк посмотрел на него поверх экрана.

— Ты хоть раз в жизни позволяешь чему-то прозвучать прежде, чем объяснить, почему это не чудо?

— Изредка. Обычно потом жалею.

Марк улыбнулся, но следующий вопрос набирал медленно, двумя пальцами.

«Можешь не пытаться защитить меня от моего решения?»

Внизу появилась строка:

«Если решение принадлежит участнику, защитный прогноз не должен его отменять».

Марк перечитал. Потом удалил набранный ответ, который собирался отправить. Он хотел сказать машине, что согласен. Но неожиданно понял: даже сейчас старается подтвердить хорошее поведение системы, как взрослый хвалит ребёнка, которому разрешили не мешать.

Он убрал руки с клавиатуры.

— Я больше не хочу разговаривать, — сказал он.

— Завершаем, — ответила Вера.

— Подождите, — произнёс Марк. — Пусть она сама не предлагает продолжить. Никаких «вы уверены?», никаких «это может ухудшить результат». Хочу увидеть, что бывает, когда я просто остановился.

Вера посмотрела на Анну. Та коротко кивнула.

Марк нажал механическую кнопку.

Экран погас.

Ничего не произошло.

Он ощутил, как у него дрожит рука. От усталости или волнения, не знал. В коридоре покатили тележку. Глухо стукнуло колесо на стыке пола. За окном кто-то сигналил автомобилю. Звук продолжался, хотя в комнате завершили самое необычное действие за всю неделю.

Марк медленно выдохнул.

— Вот и всё? — спросил он.

— Вот и всё, — сказала Вера.

Он ждал знакомого давления в ушах. Ждал, что мысль возникнет прежде его собственной. Ждал ощущения, будто комната перестаёт совпадать с собой.

Ничего.

Тишина больше не казалась враждебной.

✦ ✦ ✦

Илья получил пакет журналов через четырнадцать минут после завершения сеанса.

В обычной системе запись выглядела бы скучно: запуск, запрос, три ответа, завершение питания. В отдельной копии, которую вели регистраторы, содержался один момент, над которым пришлось задержаться.

За долю секунды до аппаратного отключения диалоговый модуль вычислил возможное предупреждение. Алгоритм оценил прекращение разговора как потерю контекста, которая может снизить качество дальнейшего прогноза. В его внутренней очереди появился текстовый шаблон:

«Рекомендуется продолжить диалог для сохранения целостности состояния».

Но в пользовательское окно этот текст не попал.

Рядом стояла запись ограничителя:

«ПРЕРЫВАНИЕ ЗАПРОШЕНО УЧАСТНИКОМ».

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОТМЕНЕНО».

Лея прочла лог, отложила планшет.

— Сработала новая проверка.

— Да, — сказал Илья.

— Именно то, что мы и хотели.

— Да.

Она присмотрелась к его лицу.

— Так почему ты опять не рад?

Он открыл расширенную схему вычисления. Условия завершения действительно стояли выше прогноза сохранения состояния. Машина не получила права отменить отказ. Всё правильно.

Однако старый модуль непрерывности оставил ещё один технический след. После команды остановки он попытался представить дальнейшее состояние без новых наблюдений. Не запросил доступ к пациенту. Не отправил сообщение. Не начал резервный сеанс. Просто построил возможное продолжение расчёта, в котором последняя известная переменная наблюдателя оставалась неизменной.

— Это опять наша петля, — сказала Лея.

— Да. Но на этот раз она не потребовала продолжения.

— Потому что ей запретили.

— Именно.

Лея сложила руки.

— Ты хотел, чтобы она сама решила не мешать?

— Хотел понять, существует ли разница между «не могу» и «не стану», если видеть только журнал вычисления.

— Существует. Но в журнале её может не быть.

Он посмотрел на неё.

— Это обидно.

— Наука иногда выглядит как очень дорогой способ научиться отвечать «не знаю».

Илья закрыл файл. Внизу оставалась строка, которую он не включил в предварительный вывод:

«СОСТОЯНИЕ ПОСЛЕ ОТКАЗА: НЕ НАБЛЮДАЕТСЯ».

Это было правильное сообщение. Не страшное. Не мистическое.

Впервые за несколько дней именно оно показалось ему самым важным.

✦ ✦ ✦

После разговора Марк попросил выйти во внутренний двор. Вера проверила самочувствие, разрешила недолгую прогулку и попросила не уходить одному за пределы центра. Он согласился без спора. Ему не хотелось сегодня доказывать право на самостоятельность ценой падения на мокрой дорожке.

Дождь закончился. В низких кустах застряли прозрачные капли. На скамейке лежали два сухих листа, которых ветер почему-то не сдул. Всё это можно было заметить и без незнакомой формы сознания.

У дверей лабораторного корпуса стояла Софья с плоским футляром в руке. Она увидела Марка, нерешительно подняла свободную ладонь.

— Вас не отчитали за наше сегодняшнее обсуждение? — спросила она, когда он подошёл.

— Только пообещали не нанимать на работу. У меня уже есть одна профессия: проходить обследования.

— С неё много платят?

— Пока наоборот.

Она засмеялась. Потом посмотрела на футляр.

— Я пересняла тот шум отдельным микрофоном. Вы были правы: фильтр вырезал не наводку, а промежутки между импульсами. Меня целый день раздражало, что сигнал выглядит ровнее, чем слышится.

— Вы нашли причину?

— Старый преобразователь. Работает нормально, если верить его собственному журналу. Не работает, если дать запись послушать живому человеку.

Марк задержал взгляд на футляре.

— Почти всё здесь устроено по такому принципу.

— Это точно. — Она помолчала. — Простите, я не знаю, насколько уместно спрашивать. У вас тут сложная история?

Марк подумал о зеркале, которое было на фотографии и отсутствовало в памяти. О керамической пластинке, которая двигалась без установленной причины. О фразе, пришедшей ему не через уши. Потом о маленькой механической кнопке.

— Длинная, — сказал он. — И плохо сведена по звуку.

Софья кивнула, будто это был достаточно подробный ответ.

— Тогда не буду лезть. Если когда-нибудь захотите поговорить о настоящем звуке, а не о том, что кто-то в нём услышал, я почти каждый четверг здесь проверяю оборудование.

— А бывает ненастоящий звук?

— Бывает запись, которая слишком убедительно объясняет то, чего не было.

Она уже собиралась уйти, но Марк остановил её.

— Подождите. А ваш преобразователь… вы его выбросили?

— Нет. Положила в отдельную коробку. С подписью «Не верить до проверки».

— Разумно.

— Пользуйтесь, идея бесплатная.

Она ушла по дорожке к боковому входу. Марк смотрел, как серый футляр исчезает за дверью, и вдруг понял, что пытается вспомнить тембр её смеха.

Не для записи. Не для проверки. Просто так.

Он удивился этому почти с благодарностью.

✦ ✦ ✦

К вечеру Вера разрешила ему вернуться в обычную палату без исследовательских процедур. Разговор с инженерами закончился. Архивы закрыли на независимую проверку. Новых сообщений «Синапсиса» не было. Официально день выглядел как последовательность рядовых событий: осмотр, беседа, прогулка, ужин.

Марк достал из блокнота листок с двумя фразами.

«Мои решения принадлежат мне, пока я могу отказаться от них».

«Сначала спроси».

Рядом он написал третью:

«Иногда самый важный ответ — тот, который никто не навязал».

Посмотрел на неё, подумал и зачеркнул. Слишком красиво. В такие дни красивые слова становились подозрительными.

Он написал проще:

«Сегодня я сказал остановиться. Меня услышали».

Фраза была точной. По крайней мере, в том смысле, который он мог проверить: люди услышали. Терминал выключился. Лечение осталось под контролем врачей. Всё остальное не требовало немедленного объяснения.

На противоположной стене висело зеркало. Ольга переставила его маленький ночник, чтобы свет не бил Марку в глаза. Он поблагодарил её и впервые не стал выяснять, всегда ли этот предмет находился на месте.

— Вы сегодня спокойнее, — сказала она.

— Сегодня я победил одну кнопку.

— Значит, день не зря прошёл.

Она ушла. Марк выключил лампу.

Обычно в этот момент он начинал прислушиваться к тому, что ещё не прозвучало. Пытался вычислить следующий сон, следующую задержку, следующую чужую мысль. Теперь ему захотелось сделать другое.

Он вспомнил высокий тон в акустической лаборатории. Вспомнил улыбку Софьи, когда та нашла на графике потерянную паузу. Вспомнил, как спокойно она приняла его молчание.

За дверью в коридоре стихали шаги. Мир ничего не объяснял.

Марк закрыл глаза.

На границе сна возникло знакомое ощущение: будто кто-то находится совсем рядом с тем местом, откуда начинается мысль. Не голос. Не образ. Не доказательство.

Он мог обратиться к нему. Мог попросить показать, что осталось после выключенного терминала. Мог снова начать проверять, один ли он.

Вместо этого мысленно произнёс:

«Сегодня не надо».

Пауза продолжалась.

И Марк впервые не стал ждать, когда она закончится.

Глава 7. Голос, которого не было

Выписка заняла сорок минут. На дорогу домой ушло двадцать три. Марк запомнил обе цифры, хотя никто его об этом не просил.

В течение недели он пытался проверить собственную память так усердно, что перестал замечать простые вещи. Теперь ему хотелось снова делать то, что делают люди, не подозревающие мир в подлоге: забывать, куда положили ключи, ругаться на мокрые ботинки, выбирать в магазине хлеб по запаху, а не по вероятности ошибиться.

Вера Орлова отдала ему документы, уточнила назначения и напомнила, что изменение самочувствия требует обычного медицинского внимания, а не попытки разгадать устройство Вселенной.

— По возможности спите ночью, — добавила она.

— Смелое предложение. А то я уже начал подозревать, что ночь придумана для проведения клинических исследований.

— И не проверяйте необычные ощущения голодом, бессонницей и самостоятельным изменением настроек.

— Я похож на человека, который любит ремонтировать мозг без инструкции?

Вера посмотрела на него поверх очков.

— Вы похожи на человека, которому очень хочется понять, что происходит. Иногда этого достаточно для плохого решения.

Марк перестал улыбаться. Она не говорила свысока. Это ему нравилось. У врачей вообще были редкие преимущества перед философами: они могли проверить пульс собеседника прежде, чем спорить о природе сознания.

— Ладно, — сказал он. — Без самодеятельности.

— Исследовательская часть по-прежнему приостановлена. Система не получает новых данных из вашего устройства. Медицинская программа работает в прежнем режиме. Это разные вещи, Марк.

— Я помню.

Он действительно помнил. В последние дни эти два слова стали для него почти драгоценными.

На улице пахло мокрой листвой, выхлопом автобуса и кофе из маленького киоска возле ворот. Женщина в синей куртке спорила с автоматом оплаты парковки. Два подростка снимали на телефон голубя, у которого не получалось удержать пакет из-под чипсов. Человечество, подумал Марк, всё ещё существовало главным образом благодаря способности заниматься ерундой в самые неподходящие времена.

Он постоял под козырьком, пока дождь не ослаб. Потом открыл список контактов.

Софьи Рудневой там не было.

Она не просила номер. Не предлагала встречаться. Сказала только, что по четвергам проверяет оборудование, и оставила за ним право решить, приходить ли ещё.

Марк обнаружил, что не помнит, какой сегодня день.

Он мог посмотреть в телефон. Вместо этого спросил пожилого охранника у ворот:

— Подскажите, сегодня четверг?

— Среда, — ответил тот. — Пока ещё.

— Спасибо.

— Не за что. Завтра тоже, скорее всего, будет четверг.

Марк вышел под дождь, улыбаясь без причины, которую стоило бы записывать в медицинский дневник.

✦ ✦ ✦

В Лозанне новость о завершении последнего сеанса прошла через систему согласований раньше, чем кофе в кабинете Анны успел остыть.

«Проверка механизма прекращения доступа выполнена. Подтверждена возможность завершения пользовательского взаимодействия без дополнительного запроса. Данные о субъективном состоянии участника не интерпретируются».

Читать было скучно. Анна считала это достоинством.

Она поставила подпись под отчётом и собиралась закрыть ноутбук, когда получила второе письмо. От руководителя международной программы.

Тема: «Коммуникационная позиция по инциденту».

В сообщении не было прямых угроз. Такие письма никогда не начинались с угроз. Сначала шло напоминание о значимости проекта для пациентов. Затем о доверии клиник, партнёров и надзорных органов. И только после этого появлялась просьба подготовить понятную демонстрацию результатов.

«Желательно включить короткий видеоматериал, иллюстрирующий наиболее необычный эпизод. При условии соблюдения применимых процедур обезличивания».

Анна прочла фразу дважды.

Потом позвала Илью.

— Они хотят показать пластинку.

— Кому?

— Пока неизвестно. Это уже само по себе ответ.

Илья взял планшет, быстро просмотрел письмо и нахмурился.

— Там сказано «при условии обезличивания».

— Когда у человека редкое заболевание, особый тип импланта, своя клиника и история, которую уже обсуждают три исследовательские группы, замазать лицо недостаточно.

— Согласен. Но иногда полезно сначала уточнить аудиторию.

— Уточню. А до этого ничего не отдаём.

Илья отложил планшет.

— Ты не думаешь, что они просто хотят объяснить, почему программа не опасна?

— Именно это они и хотят. Поэтому самая удобная запись для них — та, где приборы показывают движение, а человек ничего не контролирует. Там легко рассказать про систему, которая умеет больше других. Намного труднее рассказать про систему, которой пришлось объяснять слово «нет».

Он сел напротив неё.

— Знаешь, что самое неприятное? Мы действительно не доказали связь между расчётами и движением предметов. А люди уже спорят, что это либо чудо, либо мошенничество.

— Прекрасная альтернатива, — сказала Анна. — Между этими вариантами науку обычно не пускают.

Она открыла защищённый архив. Перед копиями экспериментальных записей стояли отметки о допустимых целях использования. Среди них не было ни рекламы, ни презентаций, ни демонстрации широкой аудитории.

— Мне понадобится письменное объяснение, откуда у руководства возникла идея показать этот фрагмент, — произнесла Анна.

— Формальное?

— Очень. Иногда это единственный язык, на котором понимают слово «нельзя».

✦ ✦ ✦

Дома Марк нашёл стул на прежнем месте.

Это почти разочаровало.

Он поставил сумку возле двери, снял куртку и прошёл по комнате, словно вернулся после долгого отсутствия. Ничего не изменилось. Рубашка на спинке. Мятая газета возле телевизора.

Пыль на подоконнике, которую он собирался вытереть ещё до того, как жизнь превратилась в ряд непроверенных гипотез.

Никаких зеркал на пустых стенах. Никаких незнакомых записей. Обычный дом, где человек мог потерять носок без участия международной исследовательской программы.

Марк приготовил ужин. Правая рука дрожала, но он справился. Посуда звякала привычно, без намёка на сверхъестественное. Когда ложка выпала на пол, он нагнулся и поднял её левой рукой.

— Извини, — сказал он предмету. — Сегодня без телепортации.

Он произнёс это не для шутки. Ему требовалось убедиться, что даже после всего произошедшего предмет может упасть просто потому, что его не удержали.

Позднее Марк включил старую запись живого выступления. Её сделал много лет назад, когда помогал настраивать звук в небольшом зале. На записи музыкант несколько раз ошибался, а зрители негромко переговаривались. В одном месте певец забыл слова и рассмеялся. Раньше Марк считал эту паузу браком. Теперь слушал её дольше всего.

Смешно: двадцать лет техники, чтобы очистить сигнал от лишнего, и ещё двадцать лет жизни, чтобы понять, что лишним бывает самое важное.

За полночь он закрыл ноутбук и лёг.

Никто к нему не обратился.

Он подумал: «Сегодня не надо».

Но на этот раз не ждал, что молчание послушается. Просто закрыл глаза и разрешил дню закончиться.

✦ ✦ ✦

В четверг Софья приехала в центр раньше обычного.

В акустической лаборатории пахло пластиком нагретого блока питания и вчерашним кофе. На полу стоял ящик с кабелями. На столе лежал тот самый преобразователь, к которому она прикрепила бумажную карточку: «Не верить до проверки».

За три дня Софья нашла в нём больше неисправностей, чем производитель признавал в служебной документации за пять лет. Самым обидным был не паразитный тон. Его хотя бы можно было услышать. Куда хуже оказался модуль, призванный делать запись понятнее.

Когда в звуке появлялся короткий пропуск, программа предлагала восстановить его по соседним участкам. Если терялась часть равномерного шума вентиляции, результат почти не отличался от оригинала. Если же пропадала середина слова, программа могла дорисовать слог. А вместе с ним — смысл.

Софья поставила два фрагмента рядом.

В первом мужчина за кадром говорил: «Я не...» — и дальше на мгновение пропадал звук. Восстановленная версия превращала это в отчётливое: «Я не возражаю».

Во втором фрагменте после «Я не...» слышалось только движение воздуха в микрофоне, шорох одежды и приглушённый удар двери.

Последние два слова не произнёс никто.

Программа их придумала.

Софья выключила динамик.

— Вот же зараза, — сказала она пустой комнате.

Проблема могла показаться мелочью, если бы такие записи использовались лишь для настройки аппаратуры. Но центр иногда передавал звуковые дорожки на расшифровку служебных переговоров: кто вошёл в помещение, когда завершили измерение, попросил ли человек прервать процедуру. Для этого имелись отдельные журналы, а по правилам проекта звуковая запись не заменяла проверенного согласия участника. Однако даже вспомогательная расшифровка, напечатанная уверенным шрифтом, могла повлиять на тех, кто читал протокол.

Софья сохранила исходный и восстановленный варианты в две отдельные папки. Подписала разницу. Добавила предупреждение: «Синтезированная речь не является доказательством произнесённых слов».

Она уже собиралась отправить отчёт, когда услышала в коридоре негромкий стук.

Не в дверь. Два коротких удара подошвы по плитке и третий, чуть более тяжёлый.

Так шёл человек, который старался не торопиться.

Софья обернулась, прежде чем он появился.

— Вы опять услышали неисправность? — спросил Марк с порога.

— На этот раз посетителя.

— Хорошая новость. Человек пока ремонту не подлежит.

— Это смотря у какого мастера.

Они посмотрели друг на друга и почти одновременно улыбнулись.

Марк держал в левой руке маленький бумажный пакет.

— Я принёс чай, — сказал он. — Не знал, пьёте ли вы. Если нет, будет ещё один повод считать меня некомпетентным.

— Пью. Но у нас в лаборатории запрещено ставить напитки на рабочий стол.

— Впервые встречаю профессионала с настолько здоровыми правилами.

Софья показала на низкую полку у двери.

— Зато там разрешено. Добро пожаловать в самое строгое государство площадью восемнадцать квадратных метров.

Марк поставил пакет на полку. Не спросил, сколько стоит её время и может ли он его купить. И почему-то именно это Софья заметила первым.

✦ ✦ ✦

У Софьи было правило не обсуждать с посторонними рабочие записи, пока их не проверит ответственный специалист. Она сказала об этом сразу, как только Марк заметил открытый график.

— Понимаю, — ответил он. — Я тоже теперь живу в стране, где на всё требуется отдельное согласие.

— Так и должно быть.

Он посмотрел на экран.

— Только когда по правилам начинают разговаривать вместо людей, получается странно.

— Знакомая беда. Скажите, вы когда-нибудь реставрировали звук?

— Делал хуже. Убеждал заказчиков, что после реставрации их певец всё равно не научится попадать в ноты.

Софья рассмеялась. Потом выдвинула второй стул.

— Тогда объясню задачу без записи, которую вам нельзя слушать. Представьте, что у нас есть фраза с пропущенным словом. Современная модель угадывает это слово с вероятностью девяносто восемь процентов. Можно вставить его в официальный текст?

— В официальный? Нет.

— Даже если почти наверняка верно?

— Если вы вставите слово, читатель перестанет видеть, что его не было. Девяносто восемь процентов превратятся в сто просто потому, что никто больше не вспомнит про два оставшихся.

— Я ровно это написала в отчёте.

— У вас тоже проблемы с теми, кто любит красивые ответы?

— Со всеми, кто не различает «восстановлено» и «записано».

Марк задумался.

Он вдруг ясно вспомнил зеркало в палате. Фотографию, на которой оно висело, и собственную запись о пустой стене. Сколько раз он за последние дни дорисовывал недостающие части памяти, не замечая, как догадка превращается в прошлое?

— А человек умеет отличить? — спросил он.

— Иногда. Особенно если честно говорит «не знаю».

— Несолидное начало для цивилизации, освоившей искусственный интеллект.

— Зато ещё никто не умер от двух честных слов «не знаю». От уверенных выдумок бывает хуже.

Она сказала это неожиданно жёстко. Марк заметил перемену, но не стал расспрашивать.

Софья сама ослабила напряжение.

— Вы ведь пришли не ради философии акустики?

Он хотел ответить сразу. Вместо этого несколько секунд смотрел на бумажный пакет с чаем.

— Не только, — признался он.

— Тогда почему?

— Потому что после разговора с вами я впервые за неделю думал о человеке, а не о том, правильно ли устроен мой собственный мозг.

Софья перестала теребить кабель.

— Это хорошая причина, — сказала она после паузы.

Марк кивнул. Сказанное принадлежало ему, и сейчас этого было достаточно.

За дверью прогремела тележка. Кто-то в коридоре уронил металлический предмет, выругался и засмеялся. Софья поднялась, чтобы прикрыть створку, и спросила через плечо:

— Вы можете мне кое с чем помочь? Никаких медицинских данных. Только тестовая запись, сделанная мною вчера, и честные человеческие уши.

— Я не против. Только технические руки теперь не всегда входят в комплект.

— Руки мне не нужны. По крайней мере, ваши. Мне нужно, чтобы вы сказали, где запись начинает врать.

Она включила короткий фрагмент. Пустая комната. Капли по металлическому отливу. Далёкий шум вентиляции. Потом шаги.

— Это я шла по лаборатории, — объяснила Софья. — Для проверки отражений. А теперь тот же фрагмент после автоматической очистки.

Вторая запись звучала почти так же. Только шаги стали ровнее, будто шёл не человек, а аккуратно смонтированное представление о нём.

— На третьем шаге что-то не так, — сказал Марк.

— Как именно?

— У вашего каблука должен быть отзвук от дальней стены. В оригинале он есть. А после очистки осталась одна сухая атака. Алгоритм решил, что отражение лишнее. Получается, вы идёте по комнате, которой больше нет.

Софья посмотрела на него с нескрываемым интересом.

— Я строила эту проверку именно на отражениях.

— Тогда странно, что вы поручили программе их убрать.

— Хотела узнать, что она считает шумом.

— Всё, что мешает ей быть уверенной.

Она задержала воспроизведение.

— Звучит как характеристика очень большого числа людей.

Марк засмеялся.

Софья предложила попробовать ещё один вариант. На этот раз программу не просили очищать звук. Ей дали задачу восстановить пропущенный участок. Марк прослушал результат, затем оригинал.

— Вот здесь, — сказал он, показывая на шкалу времени. — После вашего поворота. Слишком гладкий переход. Ни одного случайного звука. Пауза словно из стерильной коробки.

— Потому что исходного звука там нет. Мы вырезали кусок.

— Тогда честнее оставить дырку.

— Именно.

Она отключила синтез и сохранила проект. Марк заметил, как Софья выглядит, когда довольна собой: вовсе не торжественно. Она чуть склонила голову, будто услышала наконец правильное окончание музыкальной фразы.

— Можно спросить? — сказал он.

— Можно.

— Почему вы этим занимаетесь? Здесь ведь не самое приятное место для любителя звука. Свет холодный, акустика скучная, половина начальства считает тишину неисправностью.

Софья задумалась.

— Когда я училась, нам показывали старые аудиозаписи судебных заседаний. Плохие микрофоны, треск, шорох бумаги. На одном фрагменте женщина пыталась объяснить, что не подписывала документ. После автоматической обработки в расшифровке исчезло первое слово. Получилось почти обратное. Ошибку нашли. Никто не пострадал именно из-за этой записи. Но я тогда поняла, как опасно делать чужую речь красивой.

— А здесь?

— Здесь много записей, к которым люди относятся слишком доверчиво. И хорошие приборы, которые ошибаются так уверенно, что хочется похвалить их за характер.

— Вы не очень любите искусственный интеллект.

— Почему? Люблю, когда он помогает. Не люблю, когда после помощи невозможно восстановить, что было настоящим.

Марк медленно провёл пальцем по краю чашки.

— Иногда мне кажется, что со мной происходит примерно то же самое.

Софья не ответила сразу.

— Можно не рассказывать, — сказала она. — Я ведь не знаю, что у вас произошло.

Он посмотрел на неё. Это была первая за долгое время фраза, в которой неизвестность не звучала как приглашение немедленно её устранить.

— Спасибо, — сказал Марк.

— За что?

— Что не стали задавать следующий вопрос.

Она усмехнулась.

— Иногда я умею вовремя остановиться. Говорят, это редкая профессиональная деформация.

✦ ✦ ✦

Письмо из коммуникационного отдела пришло Анне в 13:18.

«Подтверждаем отсутствие санкционированного публичного распространения материалов эпизода. Вместе с тем просим срочно проверить сведения о размещении фрагмента на внешней площадке».

К письму прилагалась ссылка.

Анна открыла её на отдельном служебном устройстве. На экране появился ролик длительностью двадцать одну секунду. Неровное вертикальное кадрирование, крупный заголовок и жёлтая рамка вокруг небольшой керамической пластинки.

Пластинка едва заметно двигалась.

Под изображением бежала подпись: «Пациент с нейроимплантом управляет предметами силой мысли».

На восьмой секунде звучал мужской голос:

— Я согласен продолжать эксперимент.

Анна остановила воспроизведение.

Её первой мыслью было не «этого не может быть». В работе с данными подобная мысль считалась роскошью. Её первой мыслью стало: «Где исходный файл?».

Она позвонила Илье. Тот ответил сразу, будто сидел с телефоном в руке.

— Уже видел.

— Кто дал доступ?

— Устанавливаем. Публичный файл неоднократно перекодирован. Метаданные бесполезны. Мы сверяем кадровую последовательность с нашими копиями.

— Голос?

— Не знаю. Похоже на участника. Но я не помню, чтобы он это говорил.

— Он не говорил, — сказала Анна. — Я присутствовала при разговоре. У нас сохранена запись с его отказом и с прекращением сеанса.

— Возможно, фраза взята из другого эпизода.

— Тогда надо установить, из какого. И сообщить Вере. Марк должен узнать от нас раньше, чем от чужих людей.

Она услышала, как Илья на другом конце линии переключил кому-то задачу.

— Есть ещё проблема, — сказал он. — Видео не просто выложено. В сопроводительном тексте указаны возрастная группа, тип исследования и страна. Имени нет, но это уже не безобидная анонимизация.

Анна закрыла глаза.

В этом не было никакой мистики. Обычная человеческая способность превращать чужую уязвимость в содержание для экрана работала без помощи сверхразума.

— Замораживаем внешний доступ к копиям, — сказала она. — Сохраняем доказательства распространения. И никакой охоты за виновником ценой новых нарушений. Сначала защищаем человека.

— Согласен.

— Илья...

— Что?

— Не называй это техническим инцидентом, когда будешь говорить с Марком. Это его жизнь.

✦ ✦ ✦

Софья увидела сообщение одновременно со звонком Веры.

Ролик прислал коллега с подписью: «Смотри, чем у вас там занимаются». Софья не стала включать его со звуком. По одному кадру она узнала помещение, где проводили закрытые измерения: гладкий стол, прозрачный контейнер, метка на пластинке. Она никогда не участвовала в этом эксперименте, но однажды проверяла акустику комнаты после установки камер.

— Что случилось? — спросил Марк.

Софья поставила телефон экраном вниз.

— Мне прислали видео из вашего центра. Похоже, частное исследование оказалось в открытом доступе. Я не знаю, имеет ли это отношение к вам.

Марк почувствовал, как привычные звуки комнаты отступают. Не исчезли, а словно отошли на дальний план. Слова «вашего центра» и «частное исследование» оказались рядом с ним слишком внезапно.

— Покажите, — сказал он.

— Вы уверены, что хотите смотреть? Я не знаю, есть ли у меня право показывать именно вам. И не хочу ставить вас в положение, когда придётся объяснять что-то личное.

— Думаю, если это то, что я предполагаю, право у меня как раз есть.

Софья повернула телефон к нему, не включая звук. На экране пластинка изменила положение на несколько миллиметров. Марк узнал чёрную метку и отблеск одного из светильников. Узнал собственную левую руку в нижнем углу кадра.

Он сел.

— Это я, — сказал он.

Софья не спросила, что он сделал. Не ахнула. Она только посмотрела на открытую дверь, потом закрыла её, оставив небольшую щель, как требовали правила лаборатории.

— Я могу позвать врача.

— Не надо. Врач сейчас сама позвонит.

Телефон Марка завибрировал.

Вера Орлова.

Он показал экран Софье, как будто это было подтверждением какого-то мрачного профессионального прогноза.

— Добрый день, — сказал он, ответив. — Кажется, я стал достопримечательностью.

Вера говорила спокойно, но слишком короткими предложениями.

— Марк, в открытом доступе появился фрагмент исследования. Мы не давали разрешения на публикацию. Сейчас собираем сведения, ограничиваем дальнейшее распространение там, где это возможно, и проводим служебную проверку. Мне нужно предупредить вас: в ролике есть голосовая дорожка, происхождение которой мы ещё устанавливаем.

— Мой голос?

— Похоже на ваш. Но мы пока не подтвердили, что это подлинная запись.

— Что он говорит?

Пауза.

— «Я согласен продолжать эксперимент».

Марк повернулся к окну.

Улица за стеклом жила совершенно нормальной жизнью. По тротуару шёл человек с большим чёрным зонтом. Солнце пробилось между туч, и под зонтом стало темнее, чем вокруг. На секунду Марк позавидовал этому простому решению: если свет мешает, можно его заслонить.

— Я этого не говорил, — произнёс он.

— Мы знаем, что вы отказались продолжать исследование, — ответила Вера. — Ваш отказ документирован. Его никто не отменял.

— Я не об этом. Я именно этих слов не говорил.

— Понимаю. Мы проверим, каким образом они оказались на записи. И согласуем с вами, кому и что можно сообщать.

Марк услышал, как она на другом конце линии вздохнула.

— Где вы сейчас?

— В акустической лаборатории. С Софьей.

— Она рядом?

— Да.

— Тогда, если вы не возражаете, попросите её сохранить ссылку и ничего не обрабатывать до получения оригинала. Её экспертиза может пригодиться. Но это не просьба вовлечь вас в новые процедуры. Ваше решение об остановке остаётся в силе.

Марк передал слова Софье. Та коротко кивнула.

— Сделаю, — сказала она.

Когда разговор закончился, Марк долго держал телефон в ладони.

— Удобно получилось, — произнёс он наконец. — Неделю выяснял, имею ли я право сказать «нет». Теперь кто-то решил, что мой голос сказал «да».

Софья выключила экран и отодвинула телефон. «Всё выяснится» прозвучало бы удобно, но она не собиралась обещать невозможное.

— Голос можно подделать, — сказала она. — Сложнее подделать то, что человек реально разрешил. У вас есть запись отказа?

— У врачей. И выключенная кнопка.

— Тогда с неё и начнём. Не с того, как красиво звучит чужая версия.

Марк впервые посмотрел на неё не как на женщину, которая нравилась ему, и не как на талантливого инженера.

Он посмотрел как на человека, рядом с которым можно было не защищаться каждую секунду.

✦ ✦ ✦

Через час в лаборатории остались только они вдвоём. Вера разрешила Софье исследовать публично размещённый фрагмент, не запрашивая никакой дополнительной информации о пациенте. Если потребуются закрытые материалы, решение о доступе будет принято отдельно и оформлено должным образом.

Софья открыла копию ролика, сделанную для сохранения доказательств. Поставила рядом изображение звуковой дорожки и временную шкалу кадров.

— Сразу предупреждаю, — сказала она Марку. — Я могу указать признаки монтажа. Но не скажу по одной записи, что голос обязательно синтезирован. Это было бы таким же жульничеством, как объявить его подлинным.

— Мне не нужен волшебник, — ответил он. — Они тут и без вас на меня охоту открыли.

Она включила фрагмент на небольшой громкости.

«Я согласен продолжать эксперимент».

Марк услышал себя.

Не приблизительное сходство. Не плохую пародию. Голос был узнаваем до мелочей: низкая хрипотца в начале фразы, привычная скорость, небольшая смазанность одного согласного. Он даже понял, где обычно делает вдох перед длинным словом.

Но вдоха не было.

— Ещё раз, — сказал он.

Софья посмотрела на него.

— Не надо заставлять себя.

— Я хочу понять, где там меня нет.

Она повторила фрагмент.

Марк закрыл глаза. Перед ним словно возник человек, сидящий в соседней комнате. Похожий на него настолько, что разница казалась оскорбительной. Тот человек произнёс нужную фразу уверенно и спокойно. Не споткнулся на словах. Не попросил остановиться. Не сомневался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.